

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА **1** *2018*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2018

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

Политическая наука №1 / 2018

«Агентство научных изданий»

2018

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука №1 / 2018 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2018 — (Журнал «Политическая
наука»)

Тема нынешнего номера – будущее политической науки. Разумеется, редакция стремилась учесть все точки зрения, в том числе и расходящиеся с диагнозом Р. Таагеперы. Разброс мнений очень велик. Возможны оптимистические оценки: тренды развития политической науки вполне ясны, а их продолжение оправданно. Есть аргументы противоположного рода, акцентирующие пороки политической науки в том виде, как она сложилась в современном мире. Можно давать дифференцированные оценки, учитывать большое разнообразие полученных результатов и в различных дисциплинах, и в национальных традициях, и в отдельных университетах и научных школах. Важно, однако, не только констатировать положение дел, но и обсудить характер динамики. Находимся ли мы на возвышающем тренде или нас ждет кризис? Являются ли нынешние наши усилия всего лишь эпигонской эксплуатацией того, что было заложено десятилетия назад? Или они закладывают основы для новых прорывов научной мысли?

УДК 32
ББК 66.0

© Коллектив авторов, 2018
© Агентство научных изданий, 2018

Содержание

Представляю номер	5
Состояние дисциплины	7
Две моих мечты. Изложение лекции Рейна Таагеперы, лауреата премии имени Карла Дойча 1	7
Современная политическая наука: Кризис или развитие?	25
Переживает ли политическая наука кризис?29	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Политическая наука № 1 / 2018

Представляю номер

Замысел номера зародился еще летом позапрошлого года в Познани, где проходил XXIV Всемирный конгресс политической науки. В содержательном плане центральным событием конгресса стала лекция, которую Рейн Таагепера прочитал по случаю присуждения ему премии Карла Дойча. В этой лекции наш выдающийся коллега убедительно показал, что настало время критически переоценить научные основания политической науки. Невозможно не согласиться с поставленным им диагнозом: нынешняя политология *менее* научна, чем полвека назад; бессмысленная обработка статистических данных, использование цифр, формул и графиков любой ценой вытеснили логическое моделирование; политология от своей полной «не-научности» переходит все больше к «псевдо-научности».

Диагноз поставлен. Необходимы следующие шаги. Что можно и должно сделать, чтобы начать избавляться от псевдонаучности, затем постепенно изживать паранаучность и ненаучность, а в перспективе сформировать полноценную политическую науку?

У нас в России на разных площадках – от РАПН до отдельных университетов и кафедр – уже прошло несколько дискуссий о состоянии политической науки. При всех важных результатах этих дискуссий приблизительность и вялость мешают решительным сдвигам. Нужен некий импульс. Редакция журнала «Политическая наука» выразила готовность помочь, опубликовав изложение лекции Рейна Таагеперы и посвятив целый номер перспективам нашей академической дисциплины.

Тема нынешнего номера – будущее политической науки. Разумеется, редакция стремилась учесть все точки зрения, в том числе и расходящиеся с диагнозом Р. Таагеперы. Разброс мнений очень велик. Возможны оптимистические оценки: тренды развития политической науки вполне ясны, а их продолжение оправданно. Есть аргументы противоположного рода, акцентирующие пороки политической науки в том виде, как она сложилась в современном мире. Можно давать дифференцированные оценки, учитывать большое разнообразие полученных результатов и в различных дисциплинах, и в национальных традициях, и в отдельных университетах и научных школах. Важно, однако, не только констатировать положение дел, но и обсудить характер динамики. Находимся ли мы на возвышающемся тренде или нас ждет кризис? Являются ли нынешние наши усилия всего лишь эпигонской эксплуатацией того, что было заложено десятилетия назад? Или они закладывают основы для новых прорывов научной мысли?

Вопрос о кризисе политической науки стал предметом обсуждения семинара, проведенного кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. Сокращенная стенограмма этого семинара предлагается вниманию читателей. Фактически это одна из опор нынешнего номера, наряду с записью выступления Таагеперы. Третьей такой опорой стала статья известного немецкого политолога и одного из руководителей МАПН Вернера Патцельта «Находится ли политическая наука в кризисе?». Все вместе эти три материала образуют рубрику «Состояние дисциплины».

Тема кризиса получает продолжение и развитие в следующей рубрике «Ракурс». Ее авторы М.М. Мчедлова и А.И. Соловьев предлагают взглянуть на преходящие кризисы в расширенных и неизменных ракурсах. Подход М.М. Мчедловой предполагает соединение универсалий политического – и не только политического – мышления и поведения с расширением временной перспективы. А.И. Соловьев, в свою очередь, акцентирует когнитивистские

ракурсы рассмотрения кризисов и приходит в несколько иной логике к сходному признанию универсальности феноменов и моделей кризиса.

Авторы следующей рубрики «Идеи и практика» обращаются к проблематике собственно политической науки на примере отдельных исследовательских направлений. Несколько десятилетий развития теории партийных систем рассматриваются Б.И. Макаренко. Несколько более короткий, но более извилистый и противоречивый опыт внедрения запретительного законодательства относительно коммунистической символики является предметом изучения Е.Ю. Мелешкиной. Наконец, А.Ю. Мельвиль обращается к крайне актуальным проблемам изучения проходящих на наших глазах изменений могущества и влияния современных государств. Во всех этих статьях так или иначе оцениваются просчеты и достижения политических исследований, возможности их оптимизации и совершенствования.

Рубрика «Контекст» объединяет статьи, в которых опыт и динамика политических исследований рассматриваются в связи с проблематикой, выходящей за пределы собственно политической науки. Для Е.Б. Павловой, Н.Н. Гудалова и Г.В. Коцура такое расширение обеспечивается благодаря учету биополитических практик и обращению к концепту «стрессоустойчивость». В свою очередь Г.А. Борщевский расширяет поле своего анализа за счет включения в него эволюции государственной бюрократии нашей страны и использования концепций и подходов родственной академической дисциплины государственного управления.

Завершает номер рубрика «Первая степень». Она включает статьи: С.А. Климовича, предпринявшего оригинальную попытку создания теории коалиционного строительства; А.А. Порецковой о будущем политической теории, а также М.С. Турченко об изучении электоральных реформ в политической науке.

Отклик коллег на приглашение обсудить будущее политической науки был энергичным и заинтересованным. К сожалению, не все статьи удалось завершить или доработать к моменту, когда номер сформировался в его нынешнем виде. Нам прислали очень интересные и содержательные тексты Л.Н. Тимофеева, Л.В. Сморгунов, А.В. Веретевская, В.Р. Камоликова и Ю.Е. Шулика, а также некоторые другие коллеги. Надеемся, что в следующих номерах эти статьи будут опубликованы, а дискуссия о будущем политической науки получит продолжение.

М.В. Ильин

Состояние дисциплины

Две моих мечты. Изложение лекции Рейна Таагеперы, лауреата премии имени Карла Дойча ¹

Р. Таагепера ²

Аннотация. Наука шагает на двух ногах. Первый шаг заключается в вопросе о положении дел. Ответ дают наблюдение, измерение, визуализация и статистическое описание. Вторым шагом состоит в выяснении того, как должны бы обстоять дела из соображений логики. Тут ответ дают логические модели, подкрепленные количественными предсказаниями. Наука большей частью состоит из таких моделей, проверяемых на данных. Развитая наука устанавливает связи не только между индивидуальными факторами, но и связи между этими связями. Однако социальные науки часто идут более простой дорогой и подгоняют исходные данные под прямую линию или какую-то модную схему, не отдавая себе отчета в необходимости *думать* и строить модели на основе логики. Решительное обновление методологии социальных наук является настоятельным.

Ключевые слова: логические модели; количественные предсказательные модели; неверное использование статистики; нелинейные отношения; связи между связями.

R. Taagepera

Two my dreams. Summary of the Rein Taagepera's lecture, Karl Deutsch's prize laureate

Abstract. Science walks on two legs. One leg consists of asking: How things *are*? This leads to observation, measurement, graphing, and statistical description. The other leg consists of asking: How things *should be*, on logical grounds? This leads to logical models that should become quantitatively predictive. Science largely consists of such models, tested with data. Developed science establishes not only connections among individual factors but also connections among these connections. But social sciences often take the lazy road of fitting raw data with a straight line or some fashionable format, unaware of the need to *think* and build models based on logic. Major widening in social science methodology is crucial.

¹ Публикуется с разрешения автора. Перевод с английского выполнили Ефимова Евгения Артёмовна и Горельский Илья Евгеньевич.

² Таагепера Рейн, почетный профессор Калифорнийского университета в Ирвине (США), профессор Тартуского университета (Эстония). Taagepera Rein, University of California (USA); University of Tartu (Estonia). Чувства анонимного рецензента типичны. После того как он поднял множество подобных вопросов по предыдущей статье [Taagepera, Allik, 2006], он откровенно заявил: «Возможно, у меня возникают вопросы и по данной статье, потому что я скептически настроен относительно того, насколько велика ценность работы на таком высоком уровне генерализации... огромное количество реальных изменений в мире отправляется в никуда». В действительности мы отправляем эти изменения в место, которое оказывается значительно лучше, чем «никуда»: на следующий уровень анализа. Выискивая универсальное, наука не игнорирует детали, но включает их в некое подобие иерархии. Рецензент продолжал: «Паттерны, выявляемые в данной статье, хотя и возможно смоделировать убедительным образом, могут просто представлять собой лишь долю конкретных данных реального мира». Здесь мы доходим до того самого места моего подхода, который вызывает тревогу у некоторых моих коллег. Если мои модели работают, они должны работать по причине их неверности, даже если явления, искажающие результаты исследования, не могут быть точно определены [Taagepera, 2007, p. viii].

Keywords: logical models; quantitatively predictive models; misuse of statistics; nonlinear relationships; connections among connections.

От редакции. Одним из ярчайших событий XXIV Всемирного конгресса политической науки, который состоялся в Познани в июле 2016 г., стала лекция Рейна Таагеперы, прочитанная по случаю присуждения ему премии имени Карла Дойча. Данная премия присуждается ученым, внесшим выдающийся вклад в междисциплинарные исследования. Достижения Таагеперы в этом отношении бесспорны. По образованию он физик и немало сделал в этой научной сфере. Однако он также всемирно известный политолог – чего только стоят его работы по моделированию политических институтов и процессов! В наши дни каждый политолог еще на студенческой скамье непременно осваивает такой созданный им аналитический инструмент, как эффективное число партий.

В 1991 г. Рейн Таагепера создал школу, а затем факультет социальных наук в Тартуском университете. Таагепера известен как этнолог и историк, а также как общественный деятель и политик. Он был членом Конституционной ассамблеи Эстонии, баллотировался в президенты страны в 1992 г., заняв третье место с 23% голосов. Рейн Таагепера создал и возглавлял левоцентристскую партию «Республика». Ее он покинул после того, как партия «сдвинулась вправо».

Текст лекции Таагеперы не распространялся на конгрессе в Познани, однако российские участники конгресса смогли сделать подробные заметки, которые они затем сверили с текстом, опубликованным Таагеперой в журнале «*International political science review*»³. Этот объединенный материал мы представляем вниманию читателей, поскольку он имеет прямое отношение к теме нынешнего номера – будущему политической науки.

Мой жизненный путь определили две мечты. Одна заключалась в том, чтобы моя родная Эстония стала независимой. Другая связана со стремлением сделать социальные исследования в полном смысле научными. Моя первая мечта осуществлена, а вот на втором поприще я потерпел неудачу. Сегодня социальные науки все еще не в состоянии создавать надежное знание, отвечающее критериям научности. Мне возразят, что за последние годы сделано немало, публикации наших коллег полны математических формул. Вы ведь сами задавали этому тон, скажут мне. Результат налицо. Не совсем. Дело не в формулах и не в использовании математики. Дело в том, чтобы стать настоящей наукой. В чем особенность настоящей науки? Она шагает на двух ногах. Шаг одной заключается в вопросе: «Каково положение дел?». Для ответа необходимы наблюдение, измерение, наглядное отображение и статистическое описание. Шаг другой состоит в вопросе: «Как должны обстоять дела на основании логики?» Этот шаг ведет к созданию логических моделей, которые могут стать количественно предсказательными. Наука большей частью состоит из таких моделей, проверяемых на данных. Развитая наука устанавливает связи не только между индивидуальными факторами, но и связи между этими связями.

Затем мы снова шагаем первой ногой, обращаемся к положению дел, проверяем логические модели, обращаясь к новым фактам и данным. Однако после этого вновь шагаем второй ногой, создавая новые логические модели. Что же происходит в социальных науках? Тут проявляется идущая от лени склонность подгонять исходные данные под прямую линию или какую-то модную схему, не отдавая себе отчета в необходимости *думать* и строить модели на основе логики, как настаивает на том Карл Дойч. В своей книге 2008 г. «Чтобы социальные науки стали более научными» (*Making Social Sciences More Scientific*) и в сочинении «Логические модели и основы вычислений в социальных науках» [Таагепера, 2015] я призываю к значимому расширению в методологии социальных наук. Речь идет не просто об использовании

³ См.: Таагепера R. Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // *International political science review*. – Beverly Hills, Calif., 2018. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 145–159.

математики и вычислений, а об уместном их использовании и об уместном их соединении с логикой и другими нашими исследовательскими возможностями.

Получение премии Карла Дойча от Международной ассоциации политической науки – огромная и неожиданная честь для меня. Я познакомился с работами Карла Дойча, как раз когда мои интересы начали смещаться от физики в сторону социальных наук. Всё началось с работы Дойча «Национализм и его альтернативы» [Deutsch, 1969], но особое воздействие на меня оказала статья Манфреда Кохена и Карла Дойча «К рациональному исследованию децентрализации» [Kochen, Deutsch, 1969]. Это был ранний пример того, что я называю количественными логическими моделями. Я еще вернусь к этим моделям.

Следуя примеру Дойча, я обратился к изучению некоторых взаимосвязей, которые можно считать своего рода законами человеческой активности. Однако мой подход, который я принес с собой из физики, не был подхвачен коллегами, а скорее вызвал сопротивление. Вот почему премия Карла Дойча – приятный сюрприз для меня. Она означает, что я могу еще активнее заняться реализацией своей второй мечты – превращением социальных исследований в настоящую науку. Не внедрять математический аппарат, как порой превратно полагают, а продвигать логические модели. Но сначала немного слов о том, как я обратился к социальным исследованиям.

Как я занялся социальными науками

Однажды, когда мне было одиннадцать лет и я пас коров во время Второй мировой войны, мне подумалось вот что. Представьте, что сто солдат противостоят пятидесяти солдатам в открытом поле. Кто угодно может застрелить кого угодно из противоположного лагеря. Предположим, что их орудия и навыки равны. Сколько из 100 останется в живых, после того как 50 других будут уничтожены? Я подозревал, что потери превосходящей силы будут довольно малы. Я проделал некоторые расчеты в уме, но они оказались слишком сложными, а у меня с собой не было бумаги. Поэтому мне пришлось сдаться. Однако это означало, что в глубине души у меня созрело стремление использовать количественные логические модели для анализа социальных проблем.

Много позже я вспомнил эту задачу. Я быстро составил систему двух дифференциальных уравнений и решил их. Результат – целых 87 из 100 выживут. И что же, опубликовал ли я этот результат? Нет, не тут-то было. Некий Ланчестер уже разработал эти уравнения в 1916 г., т.е. задолго до моего рождения [Lanchester, 1956].

Подобно Карлу Дойчу, мы с семьей бежали от тоталитарного режима в Восточной Европе. В конце концов я оказался в Северной Америке. По дороге я окончил среднюю школу в городе Марракеше (Марокко). Степень бакалавра ядерной физики я получил в Университете Торонто, а степень доктора физических наук – в Университете Делавера. Я публиковался в области ядерной физики и физики твердых тел [Taagepera, Nurmi, 1961; Taagepera, Storey, McNeill, 1961; Taagepera, Williams, 1966], но больше работал с текстильными волокнами в промышленной лаборатории (Pioneering Laboratory, DuPont de Nemours Experimental Station). Однако меня по-прежнему волновало то, что случилось с моей семьей и моей страной в ходе коллизий мировой политики. Поэтому я стал посещать вечерние курсы по политологии и в конце концов получил степень магистра международных отношений.

Во время обучения я обратил внимание на так называемый кубический закон выборов в англосаксонских странах. Это отношение применимо к двум основным партиям в выборах по мажоритарной системе относительного большинства с одномандатными округами. Оно отражает тот факт, что большая партия имеет изрядный бонус – ее доля мест больше, чем доля голосов. Но насколько больше? Просто сказать «больше голосов, больше мест» – это примитивная наука. Направления изменения недостаточно. Чтобы считаться наукой, мы должны делать вза-

имосвязи количественными. Это означает, что мы должны задаться вопросом о том, *насколько* большую долю мест получит партия с заданной долей голосов.

Кубический закон выборов это и делает. Он соединяет *отношение* мест двух партий, А и В, и *отношение* их голосов. Отношение мест примерно равно кубу отношения голосов $S_A/S_B=(V_A/V_B)^3$. Например, если проценты голосов близки к 60:40, то так называемый кубический закон говорит, что проценты мест будут различаться как 77:23.

Эта взаимосвязь нелинейна. Она кривообразна, причем довольно сложным образом, что навязано ее логикой. Почему я обращаю на это внимание? Потому что слишком много социальных исследователей, видимо, верят, что все количественные взаимосвязи линейны. Никто из них не верит в плоскую Землю, но они верят в прямые линии. Суровая реальность состоит в том, что линейные взаимосвязи очень редки в естественных науках, и не говорите мне, что социальные взаимосвязи проще. Вот где социальные науки производят много мусора, создавая множество прозрачных линейных взаимосвязей.

Но вернемся к так называемому кубическому закону. Это не был на самом деле закон, а всего лишь эмпирическая закономерность. Чтобы квалифицировать ее как закон в строгом научном смысле, мы должны также иметь обоснование, *почему* взаимосвязь *должна* иметь ту форму, которую имеет, почему она не может быть никакой другой формы. Вот что меня озадачивало. И ответ был найден.

Закон сокращения меньшинства

Чтобы объяснить феномен, попытайтесь поместить его в более широкий контекст. Здесь взаимосвязь необязательно кубическая. Результат зависит от общего количества мест. Действительно, там, где на кону только одно место, как на президентских выборах, отношение голосов 60:40 приводит к отношению мест, равному не 77:23, а 100:0.

Позвольте, могут воскликнуть некоторые политологи, неужели вы, глупые физики, не знаете, что президентские и парламентские выборы – это совершенно разного рода вещи? Вы не можете поместить их в одну модель. Я встречаю такие заблуждения снова и снова, и это мешает политологии стать наукой. О да, я *могу* применять одну и ту же модель к парламентским и президентским выборам. Если бы я ошибался, то количественная логическая модель просто бы не работала, но мое расширение кубического закона работает. Это подтверждает, что в *некоторых* отношениях президентские выборы на основе относительного большинства (by plurality) – лишь предельный случай парламентских выборов по тем же правилам относительного большинства в одномандатных округах⁴. Позднее я опубликовал свою модель в виде «уравнения мест и голосов» [Taagepera, 1973]:

$$S_A / S_B = (V_A / V_B)^n \text{ where } n = \log V / \log S$$

Здесь V – общее количество голосов, S – общее количество мест. Сейчас я называю эту модель законом сокращения меньшинства, потому что она может применяться более широко, за пределами выборов. Например, она описывает соотношение женщин и мужчин среди ассистентов и профессоров [Taagepera, 1994]. Рассмотренный под другим углом, этот закон также

⁴ По некоторым другим аспектам президентские выборы отличаются от парламентских, потому что экстремальные случаи всегда необычны. Одной из целей Шугарта и Таагеры [Shugart, Taagepera, 2017] является определение *количественных* аспектов, по которым можно выяснить, где и как начинаются отличия президентских выборов от парламентских.

создает паттерн, по которому Европейский союз распределил места в Европейском парламенте между странами [Taagerera, Hosli, 2006].

Закон кубического корня размеров ассамблей

Сокращение меньшинства выражается в так называемом кубическом законе, когда количество мест в ассамблее составляет кубический корень количества избирателей, соответствующего численности населения. К своему удивлению, я нашел, что это так в большинстве демократических стран. Путем проб и ошибок страны обнаружили, что кубический корень численности населения – это наиболее эффективный размер законодательного собрания. То есть страна с 8 миллионами населения обычно имеет представительное собрание из 200 человек, так как $200 \times 200 \times 200 = 8$ миллионов.

Но почему такой размер наиболее эффективный? Здесь мы подходим к модели оптимальной децентрализации Кохена и Дойча [Kochen, Deutsch, 1969]. Они задались вопросом о том, какое оптимальное количество складских помещений нужно фирме, чтобы обслуживать регион. Если склад только один, то транспортные издержки будут слишком высоки из-за расстояний. Если складов много, то доставка будет дешевле, но возрастут фиксированные издержки на поддержание складов. Иными словами, капитальные затраты растут пропорционально числу складов, в то время как затраты на обслуживание снижаются обратно пропорционально этому числу. Кохен и Дойч выразили это при помощи уравнения. Они дифференцировали это уравнение и нашли решение для числа складов, соответствующего минимальным общим издержкам.

Этот подход годится и для определения размера собраний. Рассмотрим коммуникационную нагрузку на отдельного члена собрания⁵. В большем собрании ее или его нагрузка количеством избирателей снижается, но нагрузка внутри собрания повышается. Применяв логику Кохена и Дойча, мы находим, что общая коммуникационная нагрузка на представителя собрания минимальна, когда количество представителей равно кубическому корню размера населения.

Вспомним, что для «закона» в строгом научном смысле нам нужна не только эмпирическая связь и не только симпатичная логическая модель – нам нужно и то и другое вместе⁶. Для случая нижней (или единственной) палаты у нас действительно есть и то и другое. Поэтому взаимосвязь можно квалифицировать как закон кубического корня для размера собраний:

$$S = P^{1/3}.$$

Междисциплинарный или мультидисциплинарный?

Все эти исследования стали увлекательнее физики текстильных волокон, поэтому я начал искать работу в политологии. Я отправил письма в 120 соответствующих департаментов и попросил их выбросить мое письмо, если они считают, что политология находится в хорошем состоянии как наука. Но если они думают, что политологии все еще нужно *стать* наукой, то я тот человек, который может перевернуть всю дисциплину.

Всего лишь один университет «клянул», оценив мое предложение. Это был только что созданный кампус Университета Калифорнии в городе Ирвинге. Мне ответили: «Вы – стран-

⁵ «Процесс передачи информации в ходе общения – цемент, на котором держатся организации», – отмечал Дойч [Deutsch, 1964, p. 77] в «Силе правительства», процитированной затем Норбертом Винером.

⁶ Испытанием является получение данных, которые бы находились в согласии с задуманной заранее моделью. В таких случаях можно либо исправить модель, либо пересмотреть данные.

ный социальный исследователь, мы – странная Школа социальных наук. Возможно, мы подходим друг другу». И действительно, мы вместе уже более пятидесяти лет.

Присужденная мне премия ставит во главу угла междисциплинарные исследования, мастером которых был сам Карл Дойч. Насколько ей соответствует моя работа? В «*American Anthropologist*» напечатана моя работа о распространении цивилизаций [Taagepera, Colby, 1979], а в «*Linguistica Uralica*» – статья о грамматических сходствах евразийских языков [Taagepera, Künnar, 2005]. Недавно я опубликовал модель, описывающую, как мировой рост населения взаимодействует с технологией и ограниченным пространством [Taagepera, 2014]; она скрупулезно отражает данные о динамике мирового населения за последние 16 столетий. С учетом такой глубины трендов можно предположить резкое сокращение роста населения из-за недостатка территории при достижении потолка в 10,2 млрд человек (да, настолько точно), с небольшим зазором для отклонения.

Точно так же я построил и протестировал модели, описывающие влияние численности населения страны на отношение ее торговли к ВВП [Taagepera, 1976] и на размер ее городов [Taagepera, Kaskla, 2001]. Я изучал, как коммунизм взаимодействует с культурой и коррупцией. Была эта работа междисциплинарной, интердисциплинарной или же просто мультидисциплинарным «шведским столом» не связанных друг с другом исследований? Общей нитью для них было то, что я применял методы, заимствованные из физики.

Наиболее явно эта установка проявляется в моих электоральных исследованиях, например, в книге «Места и голоса» [Taagepera, Shugart, 1989]. Я написал ее вместе со студентом-магистрантом Мэттом Шугартом. После этого я продолжил свои исследования в книге «Прогноз размера партий: логика простых электоральных систем» [Taagepera, 2007]. У Мэтта появилась своя заметная книга «Президенты и ассамблеи» [Shugart, Carey, 1992]. Сейчас мы завершаем совместную книгу с гораздо более глубокими идеями. Эта наша новая книга под названием «Голоса ради мест. Логические модели избирательных систем» [Shugart, Taagepera, 2017] совершенно точно превзойдет предыдущую – «Места и голоса».

Могут ли эти книги предложить что-то тем политологам, которым неинтересны электоральные исследования? Да, могут, потому что они подают пример для подражания – изучение связей между связями.

Связи между связями как отличительный признак науки

Действительно, устанавливать связи между связями – это отличительный признак развитой науки. Неплохо иметь отдельные уравнения, связывающие индивидуальные факторы, такие как x с y или A с B или, может быть, S с V . Но это будет похоже на карту железных дорог Африки: изолированные пути, связывающие порты с некоторыми пунктами во внутренних землях. Пути не взаимосвязаны. Сравните это с железными дорогами в Европе: вы можете попасть из Познани (место проведения нынешнего Всемирного конгресса МАПН) на практически любую другую железнодорожную станцию в Европе, пересаживаясь с одного поезда на другой. Пути взаимосвязаны. Вот что я имею в виду, когда говорю о связях между связями: уравнения, связывающие x с y , A с B и S с V , тоже связаны. Возьмите в качестве примера электричество. Электричество предполагает сеть уравнений, связывающих такие факторы, как электрический заряд, напряжение, интенсивность тока, сопротивление, сила и мощность [Taagepera, 2008, p. 66–70]⁷.

⁷ Заметьте, что я говорю о факторах, а не о переменных. «Переменные» – термин статистики. Его использование повышает риск отвлечения внимания от реальных фактов и факторов, с которыми мы работаем, таких как напряжение и сопротивление, количество мест и голосов, на абстрактные математические x и y . Отрицательное значение переменной x не заставляет повести бровью. Отрицательное же количество мест – напротив.

Могут ли такие связи между связями существовать и в социальных науках? С философских позиций у нас могут возникать сомнения. Но связи между связями сейчас уже существуют в одной из частей социальных наук – в электоральных исследованиях.

Связи между связями в электоральных исследованиях

Представьте простую электоральную систему, где S мест собрания распределены по округам с M местами от каждого, согласно некоему правилу пропорционального представительства. Когда у каждого округа только одно место ($M=1$), пропорциональное представительство становится равным мажоритарной системе относительного большинства с одномандатными округами. Да, такая система – это лишь крайний случай пропорционального представительства, где значимость округов сведена к 1. Вспомните президентские выборы как крайний случай парламентских. Самоочевидное для физиков, такое рассуждение через крайние случаи встречает невероятное сопротивление политологов, тем самым ослабляя развитие дисциплины.

Сколько партий выигрывают места, хотя бы одно место, в таком собрании из S мест, распределенных по избирательным округам с M местами в каждом? При отсутствии другой информации обоснованным будет предположение, что эта величина равна корню четвертой степени из произведения S на M [Таагерера, 2007, р. 116, 133–134].

$$N_0 = (MS)^{1/4}$$

Например, если собрание из 200 мест избирается по десятимандатным округам, то произведение будет равно $200 \times 10 = 2000$. Корень четвертой степени из этого числа равен 6,7. Поэтому, скорее всего, около семи партий получают места. Исходя из этого предположения, в свою очередь, мы можем логически оценить долю мест большей партии. Из этого следует так называемое эффективное число партий [Таагерера, 2007, р. 122–164].

У нас получилась последовательность взаимосвязанных уравнений. Как говорится, кошка милая, но ловит ли мышей? Симпатичная логическая модель, но соответствует ли она реальности? Да, эта модель невероятно хорошо соответствует средним данным по миру в целом. А такое среднее, в свою очередь, является эталоном для страновых исследований. Действительно, если в стране заметно меньше партий, чем следовало ожидать, то мы должны исследовать, какие специфические страновые факторы приобрели значение помимо стандартных требований к размеру ассамблей и избирательных округов.

Эффективное число партий

«Эффективное» число партий, которое я упомянул, полностью именуется эффективным числом Лааксо–Таагереры. Мы с Маркку Лааксо разрабатывали его каждый отдельно, но затем опубликовали наши результаты совместно [Laakso, Таагерера, 1979]. Это число широко используется для характеристики числа партий, когда какие-то из них большие, а какие-то маленькие. Это число уменьшает значимость малых партий, приписывая веса долям мест, полученным партиями, пропорционально этим самым долям:

$$N = 1 / \sum s_i^2,$$

где s_i – доля мест партии i . Предположим, что восемь партий получили места, но в очень неравном количестве: 30–30–30–2–2–2–2–2. Три партии имеют по 30% каждая и пять партий – только по 2%. Тогда любое разумное эффективное число должно быть как минимум 3 и как максимум 8. Число Лааксо – Таагереры будет равно 3,68.

Это эффективное число применяется и за пределами партий. Я измерял пространство исторических империй и вычислял эффективное число политий по всему миру за более чем пять тысяч лет [Taagepera, 1997]. В результате была получена кривая или, точнее, паттерн экспоненциального уменьшения. Если продолжать этот паттерн, то как скоро можно ожидать появления единого мирового государства? Увы, придется ждать еще две тысячи лет.

Закон обратного квадрата продолжительности работы правительства

Теперь рассмотрим среднюю продолжительность работы кабинета в длительной перспективе. Логические соображения, основанные на числе каналов коммуникации, подсказывают нам, что этот срок должен быть обратно пропорционален отнюдь не числу партий, а квадрату этого числа [Taagepera 2007, p. 165–175]⁸, как показано на рисунке 1.

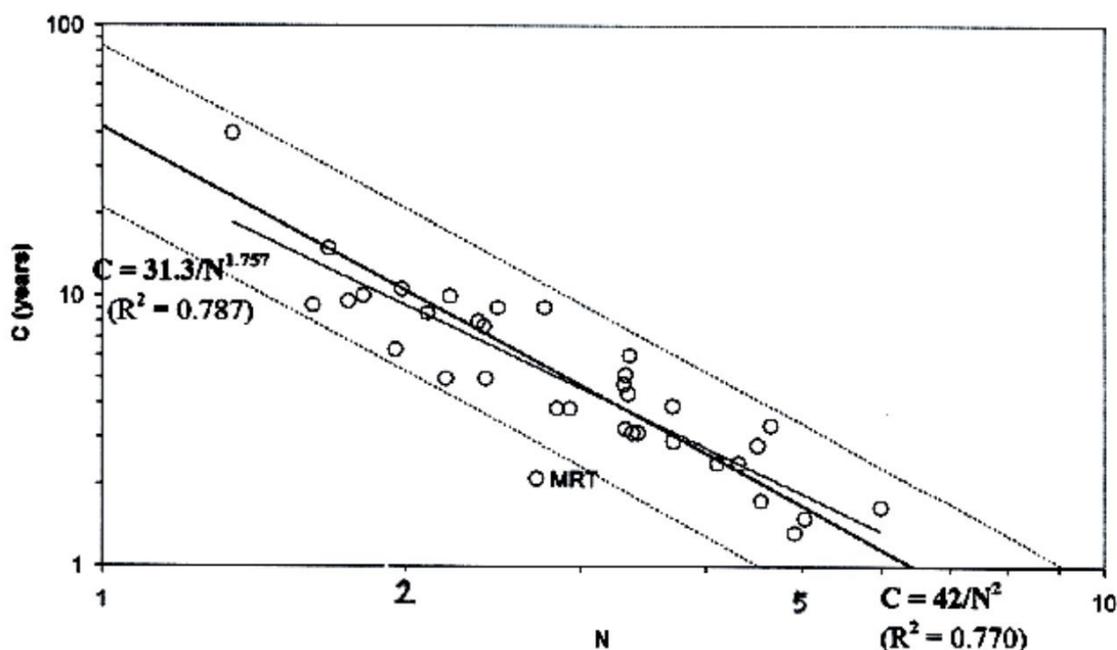

Рис. 1.

Среднее соотношение длительности существования кабинетов и эффективного числа партий: предсказательная модель, линия регрессии и разброс по фактору 2 модели [Taagepera, Sikk, 2007]

Это график рассеивания по двум параметрам – длительности существования правительства и эффективному числу партий. Для удобства и наглядности обе шкалы логарифмические. Тонкая центральная линия – это идеальная (best-fit) прямая, исчисленная по методу наименьших квадратов (МНК). Толстая центральная линия – это логически предсказанная прямая наклона -2 (для логарифмов). Обе прямые заметно близки друг к другу; это значит, что логическая модель соответствует реальности. Средняя продолжительность жизни кабинета равна 42 годам, разделенным на квадрат эффективного числа партий [Taagepera, Sikk, 2010].

$$C = 42 \text{ years} / N^2$$

⁸ Однако несравнимые между собой кубический закон размера собрания и закон обратного квадрата выживаемости правительства могут по своей форме и сути иметь общее: оба являются результатом размышлений о числе каналов коммуникации, том самом «цементе, на котором держатся организации».

Например, если есть две партии примерно равного размера, тогда наше лучшее предположение о средней продолжительности жизни правительства будет $42/4=10,5$ года. Конечно, иные факторы, помимо числа партий, влияют на продолжительность существования правительств. Рисунок 1 показывает, что под их воздействием фактическая продолжительность может быть в два раза больше, чем ожидаемая, или в два раза меньше («различаться на фактор 2»). Для двух партий это означает, что продолжительность может достигать 21 года или быть всего 5,2 года. Однако при всех вариациях эффективное число партий по-прежнему обладает мощной объясняющей силой. Оно на целых 77% объясняет общую дисперсию продолжительности жизни правительства⁹.

Связи между связями в электоральных и партийных системах

Давайте вернемся к моему главному пункту: связям между связями. В это, может быть, трудно поверить, однако знание размеров ассамблей и количества мест в избирательных округах¹⁰ позволяет довольно точно определить продолжительность жизни правительства¹¹. Возьмем для примера Португалию¹². Логическая модель умеренно переоценивает число партий и умеренно недооценивает размер большей доли мест и продолжительность жизни правительства.

До этого я добрался десять лет назад в «Предсказаниях размера партий» [Taagerera, 2007]. На основании количества мест в собрании и округах можно предсказать, как *места* распределятся между партиями. Но что мы знаем о *голосах*? Этот вопрос по-прежнему не поддавался, однако теперь мы добрались и до него.

В книге «Голоса ради мест. Логические модели избирательных систем» [Shugart, Taagerera, 2017] предсказываются мировые средние распределения голосов, на национальном уровне и по округам – исключительно на основании числа мест в каждой отдельной ассамблее и округах. Разброс данных ощутим, но фактический паттерн мирового среднего невероятно близок к логической модели. Эти мировые средние обеспечивают исходные ориентиры для страновых исследований. Мы добавляем все новые связи и связываем их в постоянно расширяющийся спектр.

Наука шагает на двух ногах, а социальные науки пытаются скакать на одной

Если судить поверхностно, я преуспел в своей мечте усиления научности социальных исследований, раз получил премию Карла Дойча. Однако я должен признаться, что потерпел неудачу. По существу, мне не удалось превратить политологию в науку. Во всяком случае, политология, равно как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад,

⁹ Закон предполагает *ожидаемое значение*, как называют его специалисты в области квантовой физики: значение, которое с вероятностью 50:50 будет выше или ниже предсказания при реализации следующего случая. Это не жесткое «детерминированное» предсказание, оно лишь выражает среднее предсказание в пределах определенного диапазона вероятной ошибки, как, например, плюс-минус «в два раза» с некоторым процентом ($\pm 15\%$).

¹⁰ Сам по себе размер законодательного собрания зависит от численности населения. Это делает размеры избирательных участков тем параметром, который оставляет возможность действительно свободно выбирать.

¹¹ На каждом шаге логической последовательности накапливается случайный разброс, и можно подумать, что общий разброс слишком велик. Удивительно, но 90% стран с простыми электоральными системами имеют продолжительность жизни правительств в пределах 2 раз от $42 \text{ лет}/(MS)^{1/3}$, даже в тех случаях, когда коэффициент детерминации R^2 для логарифмов C и MS падает до 0,24 [Taagerera, 2007, p. 171, рис. 10.2].

¹² N для Португалии отклоняется от предсказания модели в пределах медианного значения. Поэтому его соответствие модели является ни нетипично хорошим, ни нетипично плохим.

когда Кохен и Дойч [Kochen, Deutsch, 1969] опубликовали свою модель децентрализации. Это произошло, поскольку бессмысленная обработка статистических данных вытеснила логическое моделирование, как, например, у тех же Кохена и Дойча. Политология от своей полной «не-научности» переходит все больше к «псевдонаучности».

Забудьте о бессмысленном противостоянии качественного и количественного подходов к изучению политики. Они оба незаменимы, и оба дополняют друг друга. Оба могут применяться хорошо или плохо. Моя озабоченность касается того неверного пути, по которому идут сегодня количественные подходы. Они создают сумбур в области политологии. Мало того что они так пышно процветают, так еще и некоторые журналы навязывают их, в том числе даже тем ученым, которые знают, как самостоятельно провести исследование намного лучше.

Приведу лишь один пример. Некоторое время назад мне попалось прекрасное исследование, расширяющее наше понимание политики и без использования большого количества цифр. По ходу чтения оно резко сошло на нет, подавленное приведением бесполезных статистических данных. Выведенная регрессия ничего нового не добавляла. Напротив, она размыла первоначальный замысел – хорошо, что не убила окончательно. Контраст был настолько очевидным, что я связался с автором. Я высказал предположение, что журнал потребовал добавить регрессию в качестве условия для публикации. Автор на это ответил: «Да, Вы абсолютно правы». Не правда ли, звучит очень привычно? Коли люди, делающие разумную качественную работу, вынуждены добавлять бессмысленные статистические методы, то что-то здесь не так.

Вот еще один пример. Выдающийся математический психолог Дункан Люче рассказывал мне, как он добивался публикации своей статьи [Folk, Luce, 1987]. Суть дела прекрасно выражала логарифмическая модель. Журнал настаивал на замене ее простой регрессионной моделью, что не имело логического смысла. В качестве компромисса авторам позволили оставить тот подход, который действительно имел смысл, но при условии добавления бессмысленной модели [Таагергеа, 2008, р. 4]. Если людей, проводящих логически обоснованное *количественное* исследование, принуждают к добавлению бессмысленных линейных моделей, то что-то здесь не так, что-то не в порядке в этом королевстве.

Рис. 2.

Наука шагает на двух ногах: наблюдении и осмыслении [Taagerera, 2015]. Две ноги науки

Взгляните на рисунок 2. Здесь наука изображена на двух ногах. Именно наличие двух ног и позволяет ей шагать, приращивать знание. Как я уже говорил, шаг одной заключается в вопросе о положении дел. Этот шаг связан с наблюдением, измерением, наглядным отображением и статистическим описанием. Шаг другой ногой связан с выяснением логических оснований положения дел. И не только наблюдаемых, но возможных, а также и необходимых при последовательном использовании логических оснований.

Именно второй шаг ведет нас к построению логических моделей. И это придает дополнительный смысл первому. Пока мы фокусируем свой взгляд только на том, что перед глазами, мы действительно улавливаем, каково положение дел в конкретном случае. Вся полнота проблемы раскрывается целиком, только когда мы задаемся вопросом: «Каким положение дел *должно быть?*» Именно этот вопрос и связанный с ним шаг позволяют нам понять, *что именно* следует искать. Две ноги шагают дальше, когда мыслительные модели тестируются с помощью собранных данных, чаще всего статистически¹³.

Вы можете сказать, что это звучит слишком абстрактно. Чтобы понять, что стоит за данными словами, я проиллюстрирую их на примере открытого мною закона продолжительности жизни правительства¹⁴. Первым шагом было следующее *наблюдение*: в странах с большим числом партий недолговечные правительства. Вторым шагом стало *размышление* над данным наблюдением. Оно очевидно приводит нас к непосредственному *предсказанию о направлении связи (directional prediction)*, т.е. улавливающему лишь направление или тренд зависимости: чем больше партий, тем продолжительность жизни правительств меньше. *Измерения* продолжительности жизни правительств и числа партий в значительной степени подтверждают данное предсказание.

Но простого предсказания направления недостаточно. Вспомните о Галилее. Любой тосканский крестьянин мог сказать Галилею, в каком направлении падают вещи [Taagerera, 2008, p. 24]. Они падают вниз! Что еще вам нужно знать? Но Галилей хотел понять логику этого падения: как быстро они падают и почему. Если мы хотим быть учеными, то мы должны задавать подобные вопросы и относительно продолжительности жизни правительств, и о любых других направленных связях. И еще, когда я адресуя такие вопросы журнальным рецензентам, то они отвечают в духе тех самых тосканских крестьян. Они указывают на излишние черты, лежащие за пределами обозначенной связи рассматриваемого эффекта. Делая это, они препятствуют исследованию на первом же шаге, когда Галилей только начинал свое изучение гравитации. Такие «крестьяне» причиняют ощутимый вред социальным наукам.

Крайне важный шаг заключается в том, чтобы наглядно представить имеющиеся *данные (to graph the data)*¹⁵. *Посмотрите* на график и *поразмышляйте* над тем, какую информацию

¹³ То, что обычно небрежно сваливается в одну кучу под названием «статистический анализ», исполняет в действительности две чрезвычайно различные функции. Одна из них – статистическое *описание* данных – наилучшим образом соответствует тому, что обычно понимается под подходящим математическим форматом, включая значения констант в данном формате, меры разброса (такие как R^2) и т.д. Вторая – статистическое *тестирование* предполагаемых моделей – показывает, насколько хорошо предсказание согласуется со *средним* данных. Измерения с помощью статистических критериев тоже различаются между собой, но они также отличаются значительно от мер разброса. В частности, коэффициент детерминации R^2 не имеет значения и даже бесполезен, когда дело доходит до тестирования моделей.

¹⁴ Это представление и применение «двуногого» процесса соответствует главе 1 Шугарта и Таагереры (2017), хотя там используются иные примеры.

¹⁵ На самом деле мы должны визуализировать *больше, чем данные* [Taagerera, 2008, p. 202–204; Taagerera, 2015, ch. 8]. На графиках мы должны выявлять те «запретные» зоны, где точки не базируются на концептуальных основаниях, – в данном случае на тех, где $N < 1$ и $C < 0$. Также следует показать те «якорные точки», которые как раз логически включены в

он дает. На графике с обычным масштабом (не таком, как на рисунке 1), связь между продолжительностью жизни кабинета и числом партий представляется в виде нисходящей кривой, но НЕ прямой линии. Так забудьте о рефлекторном использовании линейной регрессии!

Кривая наводит на мысль, что продолжительность жизни правительства может быть обратно пропорциональна числу партий. Однако дальнейшие *размышления* приводят нас к предсказанию, что это должен быть квадрат числа: $C=k/N^2$, где k – это еще неопределенная константа¹⁶. Представленное выражение не является линейным, как и большинство других взаимосвязей в науках. Но это нелинейность такого вида, когда можно логически предположить, что логарифмирование продолжительности жизни правительств и числа партий приведет к линейной взаимосвязи, с наклоном -2 . Повторная *визуализация*, но теперь уже с использованием логарифмированных шкал, подтверждает это подозрение, что мы и можем видеть на рисунке 1.

Теперь и только теперь можно перейти к *статистическим* подходам, которые позволят протестировать предложенные логические модели. Чтобы это имело смысл, линейная регрессия должна применяться только к логарифмированным показателям продолжительности жизни правительств и числа партий – не к их количественным измерениям как таковым. Данная линейная регрессия подтверждает ожидаемый наклон, равный -2 , а также позволяет найти наилучшее значение для константы – 42 года.

Итак, конечным результатом является получение *количественной предсказательной логической модели*: $C=42 \text{ года}/N^2$. Эта модель «количественная и предсказательная», потому что она предсказывает не только направление изменений, но также и продолжительность жизни правительства при заданном числе партий. Модель «логическая», потому что использование в качестве делителя квадрата числа партий исходит из логических соображений.

Заметьте, что мы использовали чередующиеся шаги каждой ноги, на которых стоит наука. Мы начали с наблюдения, левой ноги, а затем обратили внимание на направленное мышление – правую ногу. Визуализация включается в «наблюдательную» ногу. Дальнейшие размышления приводят к обратной квадратной модели. Это заставило нас задаться вопросом: «Как мы можем превратить эту кривую в прямую линию?» Переход к логарифмам послужил ответом. Затем мы снова переключили наше внимание на «наблюдательную» ногу, перейдя к построению линейной регрессии на основе измененных данных. Наконец, мы должны были вновь сместить фокус нашего внимания на «мыслительную» ногу и спросить себя: «Имеет ли данный результат смысл?» Да, имеет. В частности, при большом числе партий продолжительность существования правительства будет приближаться к нулю, как это и должно быть.

Попытки скакать на одной ноге

Вообразим теперь, что за дело возьмется специалист в области статистики. Как только он установит направленность связи, все дальнейшие логические рассуждения покажутся ему излишними. Он попытается прыгать только лишь на «наблюдательной» ноге, как это показано на рисунке 3. Здесь он даже *откажется от визуализации*. Он загрузит сырые данные для построения регрессии, не обращая внимания на тот факт, что сама структура данных нелинейна. Без визуализации как он это узнает?¹⁷ Его компьютерная выдача покажет отрицатель-

описываемые взаимосвязи. Например, любая взаимосвязь между самой большой долей мест и их количеством должна быть равна $MS=1$ (случай президентских выборов), что приводит к тому, что $S_j=1$ – так как максимально может быть занято 100% мест. Именно поэтому (1; 1) – та самая «якорная» точка. Ее визуализация опирается на «мыслительную» ногу в дополнение к «наблюдательной».

¹⁶ Функциональная форма $C=k/N^2$ выводится логически, но значение константы k определяется эмпирически. Это вполне обычная ситуация в физике.

¹⁷ Он может сделать еще хуже. Он может включить полдюжины контрольных переменных, которые могут правдоподобно

ный знак для коэффициента наклона. Это подтвердит его предсказание о направлении связи, и это все, что такой специалист нацелен получить¹⁸.

Но постойте! Какой срок жизни правительства его регрессионная прямая отмерит в случае очень большого числа партий? Его нисходящая прямая предскажет отрицательную продолжительность жизни правительства, если число партий станет действительно большим. Это нелепо. Он не задается базовым вопросом: «Имеет ли данный результат смысл?»

Я вижу, как такие нелепые регрессии публикуются постоянно. Забывая о логическом мышлении, социальные исследователи слишком часто идут по легкому пути, подгоняя сырые данные к прямой линии или же к любому другому стандартному формату, базирующемуся на статистических или иных «модных» основаниях¹⁹. Дорогие коллеги, если мы как ученые хотим всерьез воспринимать нашу профессию – политическую науку, мы не должны публиковать такие нелепости. Нам не следует этого делать, чтобы действующие политики воспринимали нас всерьез.

Рак пожирает социальные науки. Готовые компьютерные программы дают возможность людям, не обладающим широким пониманием математики, «вымучить» кучу бессмысленных регрессионных анализов и подобных вещей, чтобы претендовать на научность. Сама же идея логических моделей опровергается в том случае, если регрессионный выход (output) будет назван «эмпирическими моделями».

Заметьте, это не просто нелепость «мусор загрузил, мусор выгрузил». Это куда хуже. Нередко мы загружаем ценные данные, а на выходе получаем тот же самый мусор. Почему? Потому что данные не были должным образом преобразованы (с использованием логического мышления), прежде чем они были загружены в компьютер.

влиять на продолжительность жизни правительства: состояние экономики, левая или правая партия, публичная поддержка премьер-министра и т.д. Каждая из них может незначительно «отобрать» влияние числа партий, которое в полной мере уменьшается, когда мы вычитаем N , вместо того чтобы делить на квадрат N . Кроме того, несколько других факторов могут привести к иллюзорным уровням «значимости».

¹⁸ Специфические количественные предсказания легко могут оказаться неверными при ближайшем рассмотрении; даже когда существует поддержка широкого направления изменений. Напротив, слишком много исследований в политологии находится в «безопасности» при попытке доказать их ложность, так как они только и предсказывают широкое направление изменений, оставляя его точное значение неопределенным.

¹⁹ Это единственное предложение действует как громоотвод, если опустить слово «часто». Как говорится в одном комментарии к рабочему варианту данной статьи: «Как таковое, оно хорошо применимо к политологии (особенно до недавнего времени), но неприменимо к другим дисциплинам в области социальных наук, например, к экономике, где лог-логарифмические и линейно-логарифмические модели являются обычным делом, и где пробит-, логит- и другие нелинейные *оценивающие* [курсив мой. – Авт.] модели становятся нормой. Это даже неприменимо в полной мере к некоторым искушенным сотрудникам журналов, таких как *Political Analysis*, где используются нелинейные модели (главным образом пробит и логит), а также эффекты взаимодействия».

Рис. 3.

Сегодня социальные науки пытаются скакать на одной ноге, «наблюдательной» [Таагерера, 2015]

Вместо того чтобы использовать статистику как инструмент, мы превращаем ее в подобие религиозной литургии. Слишком много рецензентов научных журналов выступают ревностными служителями такой религии. Они навязывают исполнение ее ритуалов даже тем исследователям, которые далеки от нее. Это одна из причин того, почему политология от своей полной «не-научности» переходит к «псевдонаучности»²⁰.

Поймите правильно: статистические методы – это полезные инструменты, например, как долото (рисунок 4). Но горе тому человеку, который открыл для себя долото и, будучи в восторге от него, начал использовать его с целью что-то тесать, прокалывать, пилить и даже копать в тех случаях, когда доступны другие инструменты. Вдвойне несчастно то общество, где такие священники, поклоняющиеся долоту, изо всех сил навязывают его как единственно возможный инструмент. Те, кто в наименьшей степени понимает статистику за пределами готовых компьютерных программ, чаще всего наиболее непоколебимо навязывают эти ритуалы.

²⁰ Существует также множество других методологических проблем [Таагерера, 2008]. Одна из них – это то, что стандартная линейная регрессия является лишь базовым объяснением всех возможных связей, потому что линейная регрессия всегда направлена: наилучшие оценки МНК модели y на x отличаются от наилучших МНК оценок модели x на y [Таагерера, 2008, р. 154–174]. Слишком много политических исследователей, использующих стандартные линейные модели регрессии, не знают об этом.

Рис. 4.

Статистические методы – это полезные инструменты. Они как долото. Но горе тому обществу, где каждый принуждается использовать долото и для выпиливания, и для копания, или где количественные исследования упрощаются лишь до статистики

Выход из положения

Ситуация печальная, но не безнадежная. Работы, в которых есть баланс между мышлением и статистическими методами, существуют. Доказательством являются предыдущие обладатели премии Карла Дойча²¹ и многие другие исследователи, такие как Аренд Лейпхарт и Рональд Инглхарт. Жозеп Коломер [Colomer 2007] и Бернард Грофман указали на ограниченный набор методологий, которые могут быть использованы в социальных науках по сравнению с другими науками. Многие социальные исследователи точно определяют специфические недостатки неверно примененных и неверно интерпретированных статистических методов²². Однако этого недостаточно, чтобы исправить статистические методы. Мы должны также расширить разумное использование визуализации и задействовать «мыслительную» ногу. Джеймс МакГрегор [McGregor, 1993] и я [Taagerpera, 2008, p. 14–22] показали, как и почему базовые законы естествознания ни за что не удалось бы открыть, используя мы только самые совершенные статистические методы. Не ожидайте большего и в социальных науках²³.

²¹ Габриель Алмонд, Жан Лапонс, Хуан Линц, Чарльз Тилли, Джованни Сартори, Альфред Степан, Пиппа Норрис.

²² Гэри Кинг и его коллеги [King, Tomz, Wittenberg, 2000] внесли вклад в понимание и представление о статистическом анализе. Герд Гигеренцер [Gigerenzer, 2004] был обеспокоен «бездумной статистикой» и вместе с коллегами [Gigerenzer, Kraus, Vitouch, 2004] разоблачил бессодержательный «ритуал нулевой гипотезы», который еще ранее подвергался критике Джеффом Джиллом [Gill, 1999]. Николас Лонгфорд [Longford, 2005] полагал, что большинство современных исследований, использующих статистические методы, – «свалка необоснованной уверенности». Кристофер Ашен [Achen, 2005] предлагал выбросить на свалку истории «мусорные» нелинейные пробит-модели. Исследования Бернарда Киттела [Kittel, 2006] и Киттела и Виннера [Kittel, Winner 2005] показали, что различные статистические подходы к одним и тем же данным могут превращать некоторые факторы, выглядящие «чрезвычайно значимыми», в незначимые. Филипп Шродт [Schrod, 2014] составил список семи смертных грехов количественного политического анализа. Валентайн и его коллеги [Valentine, 2015] показали, как можно описывать данные «без повсеместного использования p-value».

²³ Большие надежды на развитие количественных исследований в области политологии возлагались на движение Empirical Implications of Theoretical Models (EITM). Оно возникло в 2001 г. и проводило ежегодные летние школы. Можно отметить похвальное стремление к «интеграции теоретической модели развития с эмпирической оценкой». Их определение «теоретических моделей» отличается от моего собственного, т.е. наши пути не пересекаются. Когда участники движения EITM устанавливают их первое взаимоотношение вида $C=42 \text{ года}/N^2$ или хотя бы хороший эмпирический пример $S_A/S_B=(V_A/V_B)^3$, тогда я

Уважаемые коллеги, практикуйте качественные методы в политологии с небольшим использованием цифр, и да пребудет с вами мир. Если вы хотите использовать количественные методы, попробуйте практиковать подлинную количественную науку, которая пытается ходить на двух ногах. Но избегайте использования фальшивой количественной науки, которая скачет на одной ноге. Как это можно сделать без какой-либо подготовки и поддержки? Я написал две книги на эту тему. Они могут помочь.

Первой была «*Сделаем социальные науки более научными: потребность в предсказательных моделях*» [Taagepera, 2008]. В ней есть такие главы, как «Физики умножают, социальные исследователи складывают – даже когда что-то не складывается» и «Почему большинство цифр, опубликованных в социальных науках, мертвы изначально».

Но моим студентам также не хватало и практического учебника по построению логических моделей. У студентов должна быть постоянная практика до того момента, пока они не приобретут определенных навыков в этой области, которые затем смогут использовать в жизни. Поэтому я написал книгу «*Логические модели и базовая способность к количественному мышлению в социальных науках*» [Taagepera, 2015], которая имеется в свободном доступе в Интернете. В этой книге мало математики за пределами арифметики. Построение логических моделей требует прежде всего смелости быть простым и критического ума, чтобы спросить: «Но может ли это быть так?»

Я использую эту книгу при работе как со студентами, так и с докторантами в Калифорнии и в Эстонии. Многие профессора в области социальных наук могут извлечь из нее выгоду. Работа «Голоса ради мест. Логические модели избирательных систем» [Shugart, Taagepera, 2017] систематически заимствует данный подход. Это та редкая действительно *научная* книга о политике, которая способна предложить методологический стандарт для всей социальной науки.

Поймите правильно: во многом история социальных наук – это история успеха. Они достигли значительного прогресса в *качественном* понимании общества. Статистические методы также очень нужны, но лишь до тех пор, пока их использование не становится злокачественным. Настало время дополнить статистическое описание логическими моделями, моделями, которые Карл Дойч включил в свой инструментарий.

Хочу закончить тем же, с чего начал. Примерно с 1970 г. я отдаю свое время и силы на реализацию двух невыполнимых задач. Одна из них – ликвидация господства Москвы над моей родной Эстонией [Misiunas, Taagepera, 1983; Taagepera, 1984]. Второй своей жизненной задачей я сделал превращение политических исследований в науку. Первая осуществилась. Моя мечта сбылась – Эстония сегодня свободна [Taagepera, 1993 a, 1993 b]. Усилия же придать научный характер политическим исследованиям – непомерный сизифов труд, и пока он не принес плодов. Но я все же продолжаю свои усилия. Премия Карла Дойча поддерживает меня в моих надеждах.

В примечаниях использован текст, опубликованный в журнале «International political science review».

Список литературы

- Achen C.H. Let's put garbage-can regressions and garbage-can probits where they belong // Conflict management and peace science. – University Park, PA, 2005. – Vol. 22, N 4. – P. 327–339.
- Colomer J. What other sciences look like // European political science. – L., 2007. – Vol. 6. – P. 134–142.

- Deutsch K. W.* The nerves of government. – N.Y.: Free Press, 1964. – 316 p.
- Deutsch K. W.* Nationalism and its alternatives. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1969. – 200 p.
- Folk M.D., Luce R.D.* Effects of stimulus complexity on mental rotation rate of polygons // Journal of experimental psychology. – Washington, DC, 1987. – Vol. 87. – P. 395–404.
- Gigerenzer G.* Mindless statistics // Journal of socio-economics. – Greenwich, Conn., 2004. – Vol. 33. – P. 587–606.
- Gigerenzer G., Kraus S., Vitouch O.* The null ritual: What you always wanted to know about significance testing but were afraid to ask // The SAGE handbook of quantitative methodology for the social sciences / D. Kaplan (ed.). – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2004. – P. 391–408.
- Gill J.* The insignificance of null hypothesis significance testing // Political research quarterly. – Salt Lake City, 1999. – Vol. 52, N 3. – P. 647–674.
- Grofman B.* Toward a science of politics? // European political science. – L., 2007. – Vol. 6. – P. 143–155.
- King G., Tomz M., Wittenberg J.* Making the most of statistical analysis: Improving interpretation and presentation // American journal of politics. – N.Y., 2000. – Vol. 44. – P. 341–355.
- Kittel B.* A crazy methodology? On the limits of macro-quantitative social science research // International sociology. – L., 2006. – Vol. 21. – P. 647–677.
- Kittel B., Winner H.* How reliable is pooled analysis in political economy? The globalization-welfare state nexus revisited // European journal of political research. – Malden, MA, 2005. – Vol. 44. – P. 269–293.
- Kochen M., Deutsch K.* Toward a rational study of decentralization // American political science review. – Washington, 1969. – Vol. 63. – P. 734–749.
- Laakso M., Taagepera R.* ‘Effective’ number of parties: A measure with application to West Europe // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 1979. – Vol. 23. – P. 3–27.
- Lanchester F.L.* Mathematics in warfare // The world of mathematics / J.R. Newman (ed.). – N.Y.: Simon and Schuster, 1956. – Vol. 4. – P. 2138–2157.
- Longford N.T.* Editorial: Model selection and efficiency – Is ‘Which model...?’ the right question? // Journal of the royal statistical society. Series A. – L., 2005. – Vol. 168. – P. 469–472.
- McGregor J.P.* Procrustes and the regression model: On the misuse of the regression model // PS: Political science and politics. – Cambridge, 1993. – Vol. 26. – P. 801–804.
- Misiunas R., Taagepera R.* Years of dependence, 1940–1990. – L.: Hurst, 1993. – xvi, 400 p.
- Misiunas R., Taagepera R.* The Baltic states, Years of dependence, 1940–1980. – Los Angeles: Univ. of California press, 1983. – 333 p.
- Sandholtz W., Taagepera R.* Corruption, culture, and communism // International review of sociology. – Abingdon, 2005. – Vol. 15, N 1. – P. 109–131.
- Schrodt P.A.* Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // Journal of peace research. – L., 2014. – Vol. 51, N 2. – P. 287–300.
- Shugart M.S., Carey J.M.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 316 p.
- Shugart M.S., Taagepera R.* Votes from seats: Logical models of electoral systems. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – 358 p.
- Taagepera R.* The size of national assemblies // Social science research. – San Diego, 1972. – Vol. 1, N 4. – P. 385–401.
- Taagepera R.* Seats and votes: A generalization of the cube law of elections // Social science research. – San Diego, 1973. – Vol. 2, N 3. – P. 257–275.
- Taagepera R.* Why the trade / GNP ratio decreases with country size // Social science research. – San Diego, 1976. – Vol. 5. – P. 385–404.
- Taagepera R.* Softening without liberalization in the Soviet Union: The case of Jüri Kukk. – Lanham, MD: Univ. press of America, 1984. – x, 244 p.

Taagepera R. Estonia: Return to independence. – Boulder, CO: Westview press, 1993 a. – xv, 268 p.

Taagepera R. Running for president of Estonia: A political scientist in politics // PS: Political science and politics. – Cambridge, 1993 b. – Vol. 26, N 2. – P. 302–304.

Taagepera R. Beating the law of minority attrition // Electoral systems, minorities, and women in comparative perspective / W. Rule, J. Zimmermann (eds). – Westport, CN; L.: Greenwood, 1994. – P. 233–245.

Taagepera R. Expansion and contraction patterns of large polities: Context for Russia // International studies quarterly. – Oxford, 1997. – Vol. 41, N 3. – P. 475–504.

Taagepera R. Predicting party sizes: The logic of simple electoral systems. – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – xxi, 314 p.

Taagepera R. Making social sciences more scientific: The need for predictive models. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 264 p.

Taagepera R. A world population growth model: Interaction with Earth's carrying capacity and technology in limited space // Technological forecasting and social change. – 2014. – Vol. 82. – P. 34–41.

Taagepera R. Logical models and basic numeracy in social sciences. – Tartu, 2015. – 297 p. – Mode of access: http://www.psych.ut.ee/stk/Beginners_Logical_Models.pdf (Accessed: 19.01.2018.)

Taagepera R., Allik M. Seat share distribution of parties: Models and empirical patterns // Electoral systems. – Ottawa, 2006. – Vol. 25. – P. 696–713.

Taagepera R., Colby B.N. Growth of western civilization: Epicyclical or exponential? // American anthropologist. – Menasha, Wis., 1979. – Vol. 4. – P. 907–912.

Taagepera R., Hosli M.O. National representation in international organizations: The seat allocation model implicit in the EU Council and parliament // Political studies. – Oxford, 2006. – Vol. 54, N 2. – P. 370–398.

Taagepera R., Kaskla E. The city-country rule: An extension of the rank-size rule // Journal of world-systems research. – Charlottesville, VA, 2001. – Vol. 7, N 2. – P. 157–174.

Taagepera R., Künnap A. Distances among Uralic and other northern Eurasian languages // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2005. – Vol. 41, N 3. – P. 161–181.

Taagepera R., Nurmia M. On the relations between half-life and energy release in alpha-decay. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 16 p.

Taagepera R., Shugart M.S. Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. – New Haven: Yale univ. press, 1989. – 288 p.

Taagepera R., Sikk A. Institutional determinants of mean cabinet duration: The 4 th ECPR general conference, Univ. of Pisa, 6–8 September. – 2007. – Unpublished paper prepared for the conference.

Taagepera R., Sikk A. Parsimonious model for predicting mean cabinet duration on the basis of electoral system // Party politics. – Cambridge, 2010. – Vol. 16. – P. 261–281.

Taagepera R., Storey R.S., McNeill K.G. Breakdown strength of caesium iodide // Nature. – L., 1961. – Vol. 190. – P. 994–995.

Taagepera R., Williams F. Photoelectroluminescence of single crystals of manganese-activated zinc sulfide // Journal of applied physics. – Melville, NY, 1966. – Vol. 13. – P. 3085–3091.

Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S. Life after NHST: How to describe your data without 'p-ing' everywhere // Basic and applied social psychology. – Mahwah, NJ, 2015. – Vol. 37, N 5. – P. 260–273.

Современная политическая наука: Кризис или развитие?

М.В. Ильин

**(Тезисы для обсуждения) // Методологический семинар
«Современная политическая наука: кризис или развитие?»**

**Организован кафедрой политологии и политического управления ИОН
РАНХиГС совместно с РАПН и АПН 23 октября 2017 г., Москва, РАНХиГС**

(Сокращенная стенограмма)

Начну с утверждения, что развитие немислимо без кризисов, а бескризисная и межкризисная динамика крайне ограничена и по времени, и по возможностям. Собственно, такая динамика в строгом смысле развитием не является. Она лишь его сегмент, связанный с инерционным освоением потенциала, созданного прорывом из кризиса.

Мною используется лучшая, на мой взгляд, модель кризиса, которая разработана участниками так называемого Стэнфордского проекта²⁴. Она включает исходное положение, дисинхронизацию системы, попытки прорыва, успешный прорыв и ресинхронизацию системы. Между кризисами инерционная динамика, как правило, с быстрой и восходящей тенденцией, затем плато и после него нисходящая и замедляющаяся динамика, которая переходит в стагнацию, а затем кризис.

Инерционная фаза может, конечно, затягиваться, но не бесконечно. Это и является основным побуждающим мотивом постановки вопроса о будущем политической науки. Дело в том, что инерционная фаза явно затягивается. Еще в 1990-х я говорил студентам, что уже в ближайшее время они станут свидетелями и, возможно, участниками нового поворота в развитии сравнительной политологии. Главным резонансом было то, что прошло уже два десятилетия после того, как начался «плюралистический» период проработки по деталям «кризисного» момента развития рубежа 1960–1970-х годов (Стэнфордский проект – лишь одна из составляющих этого импульса). Инерционная фаза слишком затянулась. Ресурс момента развития, как мне казалось, выработан.

Причиной такой оценки было сопоставление с предыдущим формационным этапом сравнительной политологии. Он включал долгий кризис 1940-х и начала 1950-х годов, инерционную, но очень плодотворную фазу длительностью всего лишь в десятилетие. За ним новый «кризис» конца 1960-х – начала 1970-х годов. Он был коротким, «неглубоким» и в значительной мере «рукотворным». Те же самые стэнфордцы – Габриэль Алмонд прямо писал об этом в первой методологической главе книги о кризисе – сознательно проблематизировали свои достижения и тем самым взрывали собственные научные парадигмы. Однако делалось это намеренно и последовательно. Они сознательно провоцировали подобие кризиса, чтобы осуществить новый прорыв. И это им удалось.

²⁴ См.: Окунев И.Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 136–144; Crisis, choice, and change. Historical studies of political development / G.A. Almond, S.C. Flanagan, R.J. Mundt (eds.). – Boston: Little, Brown, and Company, 1973. – 717 p.

Со времен рубежа 60–70-х годов прошло уже почти пять (!) десятилетий. И лично мне не видны ни кризисы, ни прорывы за исключением каких-то вполне локальных событий, изменений и всплесков активности. Что это означает? Столкнулись ли мы с неким родом бескризисности? Действительная ли она или мнимая? Не удалось ли избежать большого кризиса за счет множества локальных и рукотворных кризисов?

Все эти вопросы заслуживают обсуждения. Однако я предпочитаю первым делом рассмотреть худший вариант: и политическая наука в целом, и ее отдельные направления подчинены логике затянувшегося инерционного тренда, который, несмотря на частные всплески и кажущееся благополучие, все более и более погружается в стагнацию, влекущую серьезнейший кризис. Его масштабы могут оказаться тем грандиознее, чем дольше затянется инерционная фаза и чем беспечнее мы будем обманывать себя призраком благополучия.

Против подобного катастрофического хода событий, к возможности которого я вызвался привлечь внимание, свидетельствует, пожалуй, всеобщее благодушие. Тревожные голоса практически не слышны. Могут назвать лишь два, но очень важных свидетельства того, что современная политическая наука игнорирует кардинальные методологические вопросы и, шире, в должной мере не занята собственной саморефлексией. Вот эти два примера.

Первый – книга Чарльза Тилли 1984 г. «Большие структуры, огромные процессы, грандиозные сравнения»²⁵. Она стала трезвым предупреждением на восходящей фазе подъема инерционного тренда. Все были тогда зачарованы обещаниями неоинституционализма (многие продолжают клясться в верности ему и до сих пор). Мудрый Тилли писал о том, что за обещаниями и действительно появившимися возможностями должны последовать их основательнейшая проработка и выход на новые рубежи, переход к новым масштабам. Ни выхода, ни перехода не последовало.

Второй пример – это книга Рейна Таагеперы о (не)научности социальных наук²⁶, а также его выступление на конгрессе МАПН в Познани и текст в IPSR²⁷.

Смысл позиции Тилли в том, что настало время критически переоценить восемь пагубных постулатов (Eight Pernicious Postulates) социальных наук, выработанных еще в прошлом (уже позапрошлом) веке. Путь к этому – ставить большие вопросы, учитывать большие структуры и огромные процессы, а также осуществлять грандиозные сравнения.

Грандиозность не в объемности и величине, а ровно в том, о чем пишет уже в наши дни Рейн Таагепера, – в интеллектуальной широте и готовности преодолеть удобные ограничения собственных привычных образов мышления.

Смысл позиции Таагеперы в том, что в погоне за призраком сциентизма коллеги сосредотачивают внимание на якобы конкретных (малых в моей терминологии) вопросах, предметах и методах (даже не методах, а техниках) и упускают жизненно важные для познания моменты и тем самым «скачут на одной ноге».

Зауживание проблематики, фактуры и методологии вполне отвечает логике специализации и «отдельных столиков» (Алмонд). Однако это ведет к тому, что мы знаем все больше и больше о все меньшем и меньшем. Оно также способствует редукции нашего мышления к примитивным схемам в духе вульгарных версий сциентизма позапрошлого века. При этом забывается, фактически игнорируется полнокровный сциентизм в духе Дарвина и Гальтона, если вспомнить двух великих родственников, а также достижения формационного этапа развития сравнительной политологии и вообще политической науки с 50-х по 70-е годы прошлого века.

²⁵ Tilly C. Big structures, large processes, huge comparisons. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1984. – 176 p.

²⁶ Taagepera R. Making social sciences more scientific: The need for predictive models. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 232 p.

²⁷ Taagepera R. Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2018. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 145–159.

Схему Таагеперы можно и нужно развить и дополнить. Пора встать на обе ноги. Или даже на три ноги фундаментальных методологий – так устойчивей, надежней и логичней, как я попытаюсь показать.

Что же нам делать?

Первое и главное – престать обманывать себя и смело взглянуть на действительность и на самих себя.

С чем мы привычно связываем кризисы и возникающие проблемы? С внешними обстоятельствами. Это, конечно, извиняет нас, заставляет усматривать проблемы в том, что нечто «не так пошло». Почему не посмотреть на самих себя, на то, как мы пользуемся своими серыми клеточками и нашим исследовательским аппаратом? Но методологические вопросы не в чести, разве что обсуждение частных методик или даже приемов. Основное внимание отводится мнимой «сути дела», предметам наших исследований. Типичный ход – рассуждения о трансформации предметной области, об изменениях политики и политического, его измерений и т.п. Это, конечно, важно, но это скорее сопутствующее или даже результаты, а главное – источник всякого рода иллюзий и ошибок. Сколько нас предупреждали о конце всего, чего угодно – государств, партий, политики, наконец. А они и ныне там. Это не государства, партии и политика исчезают. Это «исчезают», становятся бессмысленными и неадекватными наши представления о них. Политика, какой она была два поколения назад, уже «исчезла» вместе с ошибками и просчетами наших классиков, создателей нынешней политической науки. А нынешняя, которую нам нынче пристало понять и заново переопределить, через уже одно поколение «исчезнет». Точнее, она станет другой. Точнее, она наложится и на нынешнюю политику, и на политику 50-летней давности, и на прочие слои, которые при этом будут трансформироваться и интегрироваться в процессе хронополитической конвергенции.

Можем ли мы это заметить и понять, если мы по-прежнему продолжаем мыслить в понятиях отдельно взятых сущностей и предметов – *things apart*, как писал о первом пагубном постулате Чарльз Тилли?

Усложнять свои задачи никому не выгодно, не хочется. Но ведь жизнь и «объективная», точнее, неподвластная нашим хотелкам действительность никуда не исчезает, только усложняется. Для подавляющего большинства наших коллег все за пределами их исследования и крайне узкого кругозора не существует. Единственным исключением является, пожалуй, пестрая гурьба контекстуалистов²⁸. Однако все они по-прежнему на периферии и все так же разобщены. За усложняющимся миром контекстуалисты видят лишь усложняющиеся контексты, да и те каждый пытаются ощупать исключительно по-своему, как мудрецы из притчи о слоне.

Действительные кризисы – это кризисы нашего собственного сознания и разума. О них как раз и нужно думать, чтобы встретить эти кризисы подготовленными и способными к конструктивным, а не невротическим реакциям.

Пока же в качестве разминки обращусь к поверхностному и выборочному рассмотрению методологического поля, как оно представлено в ходячих схемах.

Первое деление – на количественные и качественные методологические традиции. Обратите внимание – традиции, или направления, или подходы, а чаще просто «количественные (или качественные) исследования» вообще. Сами методы, методики, техники и приемы специфичны и имеют, как правило, собственные названия. Методологий же соответствующих не существует. Мне не удалось найти даже намека на них, даже попыток их создать, хотя может стать, что плохо искал. Это само по себе очень показательно. Вероятно, действительная методологическая проблематика не артикулируется на языке оппозиции «количественные – качественные».

²⁸ См.: Оксфордский справочник по контекстуальному анализу: *The Oxford handbook of contextual political analysis* / R.E. Goodin, C. Tilly (eds.). – Vol. 5. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – 888 p.

Дополнительная проблема в том, что выделение количественных исследований строится на очень зыбких интуициях и практиках использования цифири, а качественные выделяются по принципу – другие или просто контрастные. Здесь исходная зыбкость и условность возводится в степень – не знаю уж какую.

Мне со своими коллегами, занимающимися критической переоценкой методологий, представляется важным выйти за пределы бессмысленной и бесперспективной оппозиции качественных и количественных «склонностей» и «привычек». Нами было предложено использовать собственно методологическое членение наших когнитивных способностей (способностей души в совокупности – *Gesamte Vermögen des Gemüts* – по Канту) и связанных с ними способов научного познания на метретические (они связаны с традициями использования меры, измерений, математики и статистики прежде всего); морфические (они связаны с традициями морфологических, конфигурационных и сравнительных исследований); семиотические (они связаны с анализом и интерпретацией смыслов).

Большинство коллег сочтет подобные опыты слишком отвлеченными и оторванными от нашей повседневной практики. Не буду спорить. Вероятно, прагматический подход больше резонирует с жизненными и академическими ситуациями каждого из нас. Приходится думать о публикациях, учебных курсах, отчетах и прочих неизбежных делах. Обращусь в силу этого к привычному неинституционализму, который напоминает о себе по множеству раз в день. По моему глубокому убеждению, институционализм и неинституционализм ни в коем случае не методология и не группа методологий. Это в лучшем случае аморфное соединение разнородных (!) традиций за счет условно общей повестки (или повесток) дня, а также расширительных трактовок коренной предметности. При этом свой условный предмет – институты и практики – мы (все мы теперь, похоже, неинституционалисты) принимаем за единственную реальность, а все остальное отказываемся видеть и даже рассматривать. Когда же это становится невозможно, то свой действительный предмет начинаем трактовать как институт или институционализируемый процесс.

Получается парадоксальная ситуация, когда мы то, что функционально предназначено быть методологией или методологической рамкой для некоего даже не направления, а широкого потока исследований, определяем не по когнитивным способностям или исследовательским приемам, а по предмету – пусть даже предельно широко и гибко понимаемому. Давайте же посмотрим, не **что** в фокусе внимания наиболее успешных неинституционалистов типа Дж. Марча, Й. Олсона, Дж. Цебелиса, Ч. Рэгина, А. Лейпхарта, Д. Берг-Шлоссера, М. Гриндл, Б. Вайнгаста, П. Норрис, С. Стейнмо, П. Пирсона, П. Эванса, К. Телен, В. Патцельга и др., а **как** они добывают новое знание. Едва ли не главные их интеллектуальные средства связаны со сравнительными исследованиями, особенно с конфигуративным анализом и моделированием, т.е. в основном с морфологическими методами, даже если они так ими и не называются. Вывод заключается в том, чтобы рационализировать опыт наиболее содержательных достижений, созданных в русле неинституциональных традиций. Причем рационализировать не представление достигнутых результатов, а способы их получения. При таком подходе легко выясняется, что соответствующие исследователи критериями и сравнения, и моделирования делают гомоморфизм, изоморфизм и гетероморфизм изучаемых *институтов*, что бы они ни понимали под этими терминами. А терминами подобного рода неинституционалисты по большей части, увы, не пользуются, чем напоминают Журдена, с удивлением обнаружившего на старости лет, что он говорит прозой.

Анализ наиболее продуктивного опыта неинституционалистов показывает, что в трактовке институтов обнаруживается множество труднопреодолимых расхождений, а сходства проявляются в фактическом использовании морфологических техник от простых аналогий (это не в счет – их полно повсюду) до изошренных гомеологий, выявления парадигмальных вариаций и прототипов изучаемых явлений.

Напрашивается вывод. Если даже наиболее пессимистическая трактовка динамики политической науки окажется справедливой, то мы встретим разразившийся кризис отнюдь не наивными и неподготовленными простаками. У нас в запасе есть немало ценных идей того же Тилли с Таагеперой, увы, еще не подхваченных и непроработанных. Есть немало и методологических находок, представленных пока как отдельные частные изобретения даже самими их авторами, а тем более их последователями, пытающимися эпигонски воспроизвести их технические ухищрения, а не выявить общезначимый метод. Однако сделать и одно (откликнуться на призыв Тилли и Таагеперы) и другое (пойти путем выявления методологической логики мозаики приемов и техник политического анализа) не столь уж и трудно. Заделы существенные и значимые. Нужно только систематически и совместно работать. Это наше общее дело. От него зависит и будущее – наше и наших учеников.

* * *

Шабров Олег Фёдорович, доктор политических наук, профессор, зав.кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. Семинар посвящен современной политической науке, ее состоянию и перспективам развития. С докладом выступит доктор политических наук, ординарный профессор Высшей школы экономики Михаил Васильевич Ильин.

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ. Дорогие друзья, начну с замечания по поводу названия нашего семинара «Кризис или развитие?». Не случайно в названии стоит знак вопроса. Может ли кризис быть без развития, а развитие – без кризиса? Конечно, отождествлять эти явления нельзя. Прекрасно понимаю организаторов семинара, которые поставили знак вопроса, потому что логические отношения между кризисом и развитием очень сложные. Об этих логических отношениях я и хотел бы сегодня поговорить.

Принято считать, что наука попадает в кризисные ситуации, как только меняются и уточняются параметры ее предметной области. Почему мы обращаем внимание на предметную область? За этим интуиция – когда мы ощущаем, что что-то не в порядке, стремимся разобраться с предметом. Это естественно. Однако когда мы интуитивно стараемся разобраться с предметом, туда ли мы направляем свой взгляд? Нам кажется, что что-то неладно с предметом, а может быть, дело еще в чем-то? Рискну высказать следующее предположение. Очень часто нам кажется, что изменился предмет, – а изменились мы сами. Предмет конечно же меняется, но он меняется вместе с нами как с участниками политических процессов и с их исследователями. Поэтому я предлагаю посмотреть на развитие политической науки с другой стороны – наших методов и практики исследований.

Что такое кризис? Это греческое слово: как и слова *критика* и *критерий*, оно связано с индоевропейским корнем **krey*, который означает «расщепление». Произошло расщепление, появились альтернативы, а с ними и кризис. Конечно, альтернативы есть всегда, но в условиях кризиса они выходят наружу, вырываются из-под контроля.

Как преодолеть кризис? Установить контроль над альтернативами. Представьте, что мы заранее подумали о том, какие альтернативы и какой кризис может случиться, тогда сделали бы «прививку» против кризиса и смогли двинуться дальше.

Хочу высказать еще одно соображение. Не надо тешить себя иллюзией, будто существует какая-то объективная структура знаний, заданная раз и навсегда, – нет такой структуры знаний. Эту структуру знания мы создаем сами, исходя из собственных задач, стремлений, удобства, как построить нашу работу. С точки зрения нашей темы кризиса это важно. В условиях кризиса нам следует общую структуру нашего знания переосмыслить заново.

Нередко говорят, что нужны новые парадигмальные подходы. Я бы все-таки говорил о традициях. Мы слишком легко употребляем слово *парадигмальная*. Нам кажется понятным, что если есть подход и сформировалась соответствующая традиция, если есть традиция, то можно говорить о парадигме. Здесь мы идем прежде всего за тезисом Куна о смене парадигм. Однако Кун употребляет слово *парадигма* не строго, а приблизительно, метафорически, чтобы описать качественный скачок от одной структуры знания к другой. Что такое парадигма в строгом смысле? Исходно внутренняя форма этого греческого слова раскрывает процесс и результат череды демонстраций. Отсюда такие значения, как модель, пример, довод и набор взаимосвязанных форм, например форм слов. Это последнее значение, по сути, самое точное. Мы вполне можем сказать, что парадигма – это вариации одного явления, например, слова, которые сведены в определенную систему. Возьмем парадигму глагольного склонения слова *быть* – *буду*, *был* и так далее. Мы знаем, что есть глагол *быть*, у него есть парадигма, он может измениться десятками способов, а эти способы объединены логически единой системой.

Можем ли мы с чистой совестью сказать, что под названием *институционализм* объединены все возможные варианты изучения институтов и что мы понимаем их взаимную дополняемость и логику перехода от одного способа к другому? Нет, не можем. Может ли круг людей, собравшихся и занимающихся анализом дискурсов, сказать, что у них есть парадигма? Нет, в строгом смысле целостной парадигмы у них нет. Они занимаются разными делами, но при этом делают вид, что они в одной лодке. Действительно, они в одной лодке, на одних конференциях, но логика совершенно разная. Говорят, что занимаются анализом политического дискурса, но это самообман. Анализа там от силы 15–20%, остальное – интерпретация. Так и надо говорить: интерпретация и анализ политического дискурса.

Подобная аморфность и неопределенность положения как раз и заставляют меня предположить, что происходит долгая, затянувшаяся стагнация, которая может означать, что кризис перед нами. Альтернатив все больше и больше, и это может взорваться в виде кризиса. Впрочем, утверждать это со стопроцентной уверенностью я не готов. Есть и другие варианты – это не стагнация, а некий контролируемый ход. Может быть, стагнация не во всей политической науке: у одного крыла назревает кризис, у другого все под контролем, а середина – ни то ни се.

Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, председатель Правления РАПН, вице-президент РАПН, заместитель зав.кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. В связи с альтернативами, которые под контролем, Михаил Васильевич, кто этот демиург, у кого альтернатива под контролем? Это мировое сообщество ученых? Это официально назначенные люди, типа нашей Академии наук? Каким образом определяется контроль над альтернативами? Кто разрешает быть или не быть альтернативе в науке?

Ильин М.В. Все мы и каждый. Все мы контролируем. Дорогие друзья, нашим делом каждый из нас может заниматься по-разному. Например, спонтанно, безотчетно, руководствуясь интуициями. Допустим, мне нужно прочитать лекцию здесь, нужно прочитать лекцию там, написать статью... я разрываюсь, главное, к крайнему сроку успеть, и мне уже не до контроля – я думаю, как бы мне слово со словом связать. Что происходит? Утрачивается контроль. Но я могу остановиться, обсудить текст с коллегами, дать ему отлежаться, снова переделать. Вот я и поставил себя и свой труд под контроль. Если мы все будем себя контролировать, общий градус контроля будет выше. То же коллективно сделает кафедра, контроль еще повысится.

Борщевский Георгий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики РАНХиГС. У меня родился такой вопрос. В ваших тезисах утверждается, что методологический кризис наблюдается в политической науке уже довольно долгое время, с 1970-х годов, т.е. уже с полвека. Последний подъем пришелся на 1950-е и первую половину 1960-х годов, до того был предыдущий кризис. Я историк, поэтому первое объяснение, которое мне пришло в голову, такое. Именно на 1950-е

и начало 1960-х годов приходится пик политического противостояния мировых систем, существовавших в XX веке, – мировой социалистической и международной капиталистической систем. В 1970–1980-е годы это противостояние утратило остроту. Многие на Западе уже не так боялись противника по ту сторону железного занавеса. Пик противостояния сформировал запрос со стороны элит к экспертному сообществу на изучение соответствующих процессов для решения прикладных задач политической, экономической и военной борьбы. И вот родились те мощные концептуальные идеи, о которых мы сегодня говорим. Вопрос к вам: видите ли вы некоторую связь между этими двумя явлениями? Есть она или нет? Если вдруг она есть, то видите ли вы предпосылки для актуализации подобного противостояния систем в будущем? И возможно ли, что с этим будет связан новый концептуальный подъем в политической науке?

Ильин М.В. Огромное спасибо за прекрасный вопрос. С вашим анализом я во многом согласен. Однако, соглашаясь, я сделал бы важное уточнение. Действительно после Второй мировой войны в мире и в нашем сознании происходит очень много разных изменений. Отчасти меняется мир, отчасти мы меняемся, отчасти создаем новые интеллектуальные инструменты. Что происходит в мозгах у гуманитариев и представителей социальных наук, обществоведов? Они уже через поколение, даже чуть-чуть позже, начинают воспринимать те сдвиги, которые произошли в науке, теорию относительности и прочее, как нечто, что является не абстрактным знанием, а имеет какое-то отношение к нам. Вторая реакция – это та, о которой вы говорите. Не столько мир изменился, сколько мы изменяем мир. Что-то произошло с нашими душами и мозгами после завершения Второй мировой войны, что радикально меняет мир. Атомные бомбы и так далее. Не мир создал атомные бомбы, а мы их создали. Мы создали атомную бомбу, и всё сразу видим по-другому.

Я бы немножко расширил наш взгляд, темпоральную ретроспективу. Перемены началось с Первой мировой войны, и даже чуть-чуть раньше. Это большой системный кризис, который я называю эволюционной ловушкой. И здесь опять нужно расширить темпоральную ретроспективу вплоть до начала модернизации. Она началась, казалось, неспешно. Поначалу никто не сознавал, что происходит. Кант первый увидел принцип современного мышления – критика и антиномии. Потом после Французской, а фактически европейской и даже мировой революции, развитие осознается и ускоряется. Появляется идея прогресса. Людям кажется, что так динамично и без заметных сбоев все и дальше будет развиваться. Однако к исходу XIX века, к рубежу столетий этот потенциал был исчерпан. Что-то случилось с миром. Он «свернулся», изменилась его геометрия. Плоские пространства, в которых мир был организован прежде, сложились в сферические. Мир стал другим, люди сами сделали его другим, но понять этого не смогли. Они сотворили сферический мир, а институциональных и интеллектуальных ресурсов и средств для управления им не создали. Вот и возникала эволюционная ловушка. Мировые войны, тоталитаризм и все прочие бедствия – это только проявления большого кризиса. Это результаты попадания в эволюционную ловушку, большая дисфункция всего процесса модернизации.

Кризис провала в эволюционную ловушку тянется до середины 70–80-х годов. Глобализация впервые обещает шанс выскочить с переходом к конвергенции и поддерживаемому развитию. Однако на деле мы до сих пор не выскочили из ловушки. Начали выскакать, а потом опять просели, потому что мы на выходе из этого кризиса находимся уже несколько десятилетий. Может быть, это одно из объяснений, почему у нас такой стагнирующий темп.

Что вызвало подъем политической науки? Думаю, что не прямая реакция на злобу дня сего. Если бы наши учителя подчинялись этой логике реакции на прагматические вызовы, то их усилия свелись бы к обсуждению атомной бомбы, соперничества сверхдержав, выборов, забастовок, других проявлений классовой борьбы или политических интриг отдельных политиков. Была бы злободневная суэта, а заметного подъема политической науки не произошло бы. Наиболее дальновидные решили: если мы будем заниматься этой текушкой, тем, что мель-

тешит перед глазами и блесит, мы ничего не поймем. Нам нужны более широкие масштабы, чтобы за деревьями увидеть лес. И они вышли на новый уровень, занялись, например, изучением формирования государств и наций.

Если мы хотим разобраться с этой эволюционной паузой и с той структурой после Второй мировой войны, о которой говорил Георгий Александрович, нужно расширить интеллектуальные горизонты. Можно сделать интеллектуальную уловку и изменить предмет, сфокусировать внимание на практиках подотчетности. Можно просто расширить временной диапазон и посмотреть на эволюционную паузу с точки зрения прогресса предыдущей фазы развития, как это я попытался сделать. Более того, если мы будем смотреть только с точки зрения прогресса, мы увидим всего лишь контраст, а если мы кроме прогресса возьмем то, из-за чего прогресс возник, у нас получится куда основательнее.

Михеев Валентин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС. Сегодня довольно часто мы слышим и читаем в рамках того предметного поля, о котором вы говорили, что есть решения научные и есть решения политические. Всего два-три дня назад мы услышали, что решение экспертного совета – научное, а решение ВАК – политическое. Примерно такое же разное отношение и относительно гражданских институтов, прочих предметов нашего изучения. Какие методологические подходы и теоретические доводы могли бы внести ясность в определение сути и содержания научного и политического?

Ильин М.В. Давайте попробуем найти что-нибудь похожее, но не отягощенное политической остротой. Я приведу пример: в эту пятницу мне предстоит одна медицинская манипуляция. Что будет делать мой доктор? Он будет делать руками конкретное дело. Для того чтобы он сделал это дело, он должен обладать медицинскими знаниями и умениями. Связаны эти знания с биологией человека? Конечно. Есть целые институты, которые занимаются изучением биологии человека, целиком и по частям. Должен этот врач систематически заниматься биологией человека, чтобы провести медицинскую процедуру? Не должен. Ему достаточно просто быть в курсе того, что сделали те, кто занимается биологией человека. А им, в свою очередь, нужно знать достижения общей биологии, генетики? Конечно. Значит, должен быть институт в Академии наук или кафедра университета, где сидят люди и занимаются общей биологией. Вот и линейка выстроена, где есть разные специалисты, профессионалы в своей области, которые друг с другом взаимодействуют и друг друга обогащают. Общий биолог занимается природой жизни, обменом веществ. Он транслирует свои достижения через коллег с уровня на уровень, даже через каких-то практиков, не только врачей, но еще агрономов, животноводов. Тот, кто занимается общей биологией, должен всю эту череду видеть. Но должен ли тот, кто занимается общей биологией, забыть о своем деле и сказать: а сейчас я пойду в свинарник и буду изучать, что там происходит, и для себя что-то открою. Это абсурд. Не нужно ему этого. От свинарника нужно держаться подальше. А что же нужно? Чтобы у нас между наукой и политикой была какая-то разумная связь. Нам нужны посредники, которые позволят осуществлять эту связь. Сейчас одни варятся в своем соку высоких обобщений, а другие варятся в своем соку практических манипуляций, а между ними нет ничего. Точнее – появляются какие-то авантюристы. А там должны быть не авантюристы, а специалисты. Это мы должны их воспитывать. Мы должны делать такие курсы, чтобы наши студенты не только нас продолжали – это самое простое и легкое, – а чтобы они стали такими посредниками. Чтоб всё пространство от нашей политической науки до политики было заполнено профессионалами. Если оно будет заполнено, нам не нужно туда лезть, а политикам не нужно обращаться к нам и говорить: ты, теоретик в политике, скажи мне, какой лозунг выдвинуть на выборах? Про лозунг ты спроси нашего выпускника, который этим занимается, про то, как организовать кампанию, спроси у другого, а как спланировать политическую линию, спроси третьего. Каждый должен заниматься своим делом, а если мы будем заниматься всеми делами, все будем делать плохо.

Ирхин Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС. Я бы вначале процитировал Олега Федоровича (Шаброва), он любит говорить, что «политическая наука – дисциплина хотя и гуманитарная, но точная». С этого эпитафия нужно начинать говорить о структуре знания. Любая наука, в том числе и политическая, основывается на философской методологии. Далее, это гуманитарная наука, а значит, она находится в комплексе гуманитарных и социально-экономических наук и общих методологических подходов, которые связаны.

Методология политической науки во многом вторична. Политическая наука не может «высочить» из этого окружения. Политолог должен знать примерно 15–20 основных подходов, несколько основных парадигм, 100 теорий, много прикладных методик. Нужно еще учить единые методологические основания по разным дисциплинам.

Есть ли кризис у нас, или нет? В 2008 г. произошел мировой экономический кризис. В начале следующего года Елизавета II приехала в Лондонскую школу экономики и, обращаясь к участникам круглого стола, спросила: «Джентльмены, как вы это допустили, владея самой развитой в мире экономической наукой? Что произошло? Объясните. И что будете делать?» Ответ ученых заключался в том, что экономисты увлеклись математическими выкладками, прикладными исследованиями и забыли о логике экономической науки и общественного развития. Кроме того, в последние 20 лет наблюдается явление, которое называется экономическим империализмом, когда экономисты пытаются «подгрести» под себя все другие науки – математику, лингвистику и даже политологию. Возникла так называемая новая экономическая наука – это традиционная экономическая наука, в которой рассматривается процесс принятия политических решений и как эти решения влияют на экономику. Чистейшей воды политология.

Почему я привел этот пример? Потому что все дело, как сказал Михаил Васильевич, в оптике. В том, как вы будете строить вашу программу политического исследования, как вы будете на нее смотреть, какие подложите парадигмы, теории. Что вы возьмете из той науки или из другой. И что будет на выходе. Примерно такая сложная конструкция.

В нашей дискуссии прозвучала очевидная вещь, что общество проходит в своем развитии ряд этапов. Политическая наука, вкуче со всеми остальными другими науками, осуществляет функцию рефлексии на эти изменения, и рано или поздно формулирует новые теории и концепции, предлагает новые решения, успех которых необязательно очевиден, потому что реализуют эти решения политики.

Главная проблема человеческого общества в том, что оно обычно всегда знает больше, владеет очень многими теоретическими моделями, концепциями и т.д. Оно уже знает, как это сделать, но сделать еще, в силу целого ряда причин, не может. Практический опыт отстает от нашего знания. Сейчас мы вступили в очередной этап развития. Нужно искать какие-то новые объяснительные модели.

В разных частях мира (а лучше сказать, в различных цивилизациях) политическая наука развивается немножко по-разному, с разными акцентами. Развиваются школы, не только национальные, но даже цивилизационные. Можно вполне говорить об англосаксонской школе. Можно говорить о континентальной европейской – уже будут какие-то особенности.

То, что происходит в политической науке, я бы не называл глубоким кризисом. Может быть, это некая перестройка, «уточнение» политической науки. Многие старые концепты и термины (например, государство) понимаются уже в новых условиях по-разному. Нам нужно очень многое сейчас переосмыслить. Появилось очень много явлений, для которых нужны либо новые понятия, либо новый смысл в старых понятиях. Еще вчера говорили: «Электронное правительство, электронная демократия, электронный бизнес». Сейчас мы уже говорим: «Цифровой след, цифры в электронном правительстве». Поэтому мне кажется, что политиче-

ская наука выходит на новые решения новых задач. В этом отношении я смотрю с определенной надеждой на нашу российскую политическую науку.

Комаровский Владимир Савельевич, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, доктор философских наук, заслуженный деятель науки России. Основной вопрос, который был поставлен в докладе, что делать? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, с чем мы имеем дело. Я согласен с тем, что политическая наука переживает кризис, но чем он вызван? Нам нужно понять характер проблем самой нашей науки, сдвиги в научной картине мира в целом и осмыслить кризис реальности, с которой мы имеем дело.

Мы попали в какую-то очень неопределенную ситуацию межсезонья, смены вех. Что мы, политологи, в этой ситуации можем сделать? Какие проблемы необходимо решить прежде всего в области методологии политической науки? Мне кажется, важно получить ясный ответ на вопрос, насколько обоснованы претензии политической науки на универсальность. Может ли теория быть универсальной? Или все-таки цивилизационные особенности играют большую роль, нежели те, которые связаны с общими ответами на вызовы современной эпохи?

Если, по крайней мере сейчас, ничего универсального мы предложить не можем (хотя стараться нужно, это понятно), значит, вопрос следующий: а может ли политическая наука не быть мультипарадигмальной? Наверное, тоже нет. По крайней мере, в ближайшей перспективе это совершенно не очевидно.

Теперь очень короткие замечания по двум вопросам. Первое – предмет политической науки. Конечно, он меняется, безусловно, меняется не только потому, что меняются наши очки, но меняется и сама реальность. Причем эти очки связаны не только с нашей субъективностью, а с доступностью для нас какого-то рода знаний. Для студентов я привожу пример: конечно, в момент зарождения политической науки ни Аристотель, ни Платон не могли видеть мир как таковой – они видели город. Рим – это империя, значит, появились новые очки, потому что появилась новая реальность и потребность в новых очках. Вот эта связка – она очень интересна.

Последний важный вопрос: кто контролирует развитие науки? В науке тоже действуют законы общественного мнения. Кто решает, ты признан или нет,ходишь в мейнстрим или нет? Фактически некоторые из тех, кто достоин не просто войти в мейнстрим, а возглавить его, остаются пока внизу. Это тоже говорит об уровне достижений науки.

Мчедлова Марина Мирановна, доктор политических наук, доцент, зав.кафедрой сравнительной политологии РУДН, член правления РАПН. Надо иметь большое мужество сегодня, чтобы говорить о законах приращения знания. Уже многие отметили, что наиболее востребованными становятся такие прикладные, как их называют, или функциональные темы, которые не позволяют поставить эпистемологические и реалистические вопросы применительно к современному гуманитарному знанию.

Я согласна с Владимиром Савельевичем в том, что кризис можно рассматривать в различных гранях и контекстах, из совокупности которых и возникает та проблема, которую мы сегодня пытаемся решить. Это проблема не только политической науки, но вообще гуманитарного знания как такового. Это не новая проблема. В 2003 г. И. Валлерстайн написал книгу «Конец знакомого мира». В ней он показывает, что знание, которое очень долго выполняло свои функции в человеческом обществе, сегодня перестает их выполнять. Когда он писал о контурах знакомого мира, которые становятся все более зыбкими, он имел в виду скорее не социально-политическую реальность, а способы рефлексии. И сегодня, мне кажется, кризис проявляется именно в том, что способы рефлексии (может быть, в каком-то контексте это и те самые очки), которые все еще традиционны в своем основании, не улавливают изменения современного мира.

Я не готова полностью согласиться с М.В. Ильиным в том, что нет объективной структуры гуманитарного знания. Если мы посмотрим на способы приращения знания и на самые глу-

бинные основания, связанные, например, с критериями истинности, то мы увидим, наверное, какие-то общие черты. Конечно, затем это диверсифицируется, однако общие черты, общая логика построения гуманитарного знания, которую мы можем применить к любому гуманитарному знанию, существуют. И в одну эту логику защиты те самые универсалии, которые складывают в единый семантический узел еще многие проблемы – такие как пространство, время, истина, ложь, Бог.

И вот именно эти универсалии, которые вроде бы должны быть незыблемы и с точки зрения философского знания, и с точки зрения логики, начинают демонстрировать размывание референтов и референций, более того – наверное, возникновение новых и референциальных значений, и референтов.

Если мы спустимся на уровень политической науки, то те политические универсалии, которые связывали все социально-политические несущие конструкции и политический нарратив – нет, даже метанарратив, к которому относятся власть, государство, демократия, прогресс, рациональность и прочее, – сегодня точно так же не перестают быть одинаково понимаемыми не только вследствие изменения референта, но и вследствие размывания смысла универсалий как таковых. Происходит не только размывание понятий.

Почему именно эти универсалии перестают выполнять сегодня свою функцию? Во-первых, мы не успеваем за постоянным изменением мира, не успеваем концептуализировать эти феномены.

Во-вторых, гуманитарное знание по своей сути – это не только удвоение реальности, это даже утроение реальности. И соответственно, там происходят процессы, которые не позволяют этим универсалиям «переквалифицироваться».

В-третьих, Михаил Васильевич говорил о том, что изменения знания, изменения концептуальных подходов связаны с большими социально-политическими потрясениями, с одной стороны. С другой стороны, связаны с достижениями в других дисциплинах. Это, конечно, так. Сегодня большие социально-политические, экономические и другие изменения происходят настолько быстро, что мы не успеваем за ними.

Однако универсализм и фокус на прогрессе – это было канвой и основной гуманитарного знания на протяжении очень длительного времени. И мне кажется, что прогрессистское видение, порожденное эпохой Просвещения, еще не ушло. Оно, наверное, находится в состоянии конкуренции с иными картинками, в том числе и политической рефлексии. И мы видим столкновение теории и, наверное, идеологии или дискурса, который выстраивается вокруг определенной теории, в том числе вокруг прогрессистского мировидения.

И не случайно прогрессизм, который был в основе и философского, и политического знания, а затем выстраивал не только картины мировидения, но и вообще публичную политику, сегодня столкнулся с фрагментацией и принципиальной гетерогенностью мира.

Это показывает, с одной стороны, что гуманитарное знание и политическая наука имеют внутри себя потенциал фальсификации, т.е. они могут дальше развиваться. Но, с другой стороны, мы встречаем эпистемологические трудности, когда старые универсалии с принципиальной гетерогенностью мира не состыковываются.

Я хочу привести один маленький частный пример. Мне кажется, что этот потенциал к дальнейшему изменению гуманитарного знания, этот внутренний потенциал к переделке был замечен еще в конце XIX – начале XX в., когда уже в условиях абсолютного доминирования прогресса и универсализма возникали теории, которые начинали противоречить в том гносеологическом контексте. Например, теория локальных цивилизаций, которая говорила о прерывности мира и о том, что прогресс не задан.

Мне кажется, что поиск новых конфигураций политического знания и вообще гуманитарного знания как такового, концентрация на гуманитарной эпистемологии и на способах

приращения гуманитарного знания – это благодатное поле, которое может быть толчком для развития и более прикладных политологических дисциплин.

Тимофеева Л.Н. Я хочу откликнуться на то, что говорил Михаил Васильевич (Ильин).

Во-первых, меняется практика – меняется словарь. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка, который появился в начале 2000-х годов, толкует «альтернативу» не только как «возможность выбора, основанную на альтернативе», но и как «несовпадающее с общепринятым, официальным, непохожее на прежнее». И в качестве примера приводятся выражения: «альтернативная медицина» – медицина, основанная на немедикаментозном лечении; «альтернативная служба» – гражданская служба, разрешенная законом вместо обязательной военной; «альтернативная энергетика» – использующая природные ресурсы и технологии без вреда для окружающей среды, экологически чистая и т.д. Иными словами, речь идет о новых практиках, направлениях в науке, изобретениях человека, увеличивающих для него пространство выбора, лечения, возможности жить в чистой экологической среде.

В связи с этим важно уточнить, что такое кризис. В китайском языке его обозначают два иероглифа: «проблема» и «новые возможности», т.е. альтернативы, варианты, которые позволяют решать эти проблемы.

Действительно, меняется практика и отсюда постоянно меняется и предметное поле политической науки. Усложняется практика, усложняется и предметное поле политической науки. Например, у политической коммуникативистики как одной из составляющих предметного поля политологии сегодня насчитывается до десятка субпредметных полей: политическая лингвистика, политическая семиотика, политическая дискурсология... В политической конфликтологии тоже происходит деление предметных полей на этнополитическую, политико-административную, региональную конфликтологию, городскую конфликтологию и т.д. Вопрос: до каких пределов может происходить атомизация предметного поля политической науки? Наверное, до тех пор, пока будет меняться наша политическая практика.

Второй момент, связанный с изменением фокуса зрения. Это не новое явление – во второй четверти XX в. появляется философия конструктивного альтернативизма Джорджа Келли, который утверждал, что на объективную реальность необязательно смотреть с одной точки зрения, можно посмотреть с разных, и люди способны изменять свою интерпретацию событий, создавая индивидуальные модели реальности, имеющие эвристическую ценность. Мы имеем классическую, неклассическую, постнеклассическую науку, разные методы исследования, разное отношение к пространству и представления о пространстве.

Совсем недавно Шанталь Муфф, известная бельгийская исследовательница, предложила диссенсуальную модель политического взаимодействия. К чему мы привыкли на практике? Мы привыкли к консенсусу. Консенсусная демократия, консенсус в парламентских дебатах, консенсус как способ вообще движения вперед. А она предложила диссенсуальную модель, суть которой заключается в том, что не всегда консенсус является лучшим выходом из политического противостояния. Бывают случаи, когда консенсус невозможен из-за принципиального различия политических парадигм, более того, консенсус даже вреден, поскольку в случае достижения такового результатом станет исключение и подавление альтернативных мнений. Поэтому вместо поиска заведомо мнимого и устраняющего различия консенсуса модель предполагает признание различий и обсуждение возможных границ последних.

И сегодня закономерно, что консенсуальная модель, которая в последние десятилетия становится объектом самой разнообразной критики, оспаривается диссенсуальной политической практикой – и Брексит, и другие явления в Испании и в Италии, которые мы наблюдаем, являются как раз примером того. Есть другой взгляд на существование всех этих политических явлений.

Третий момент, на который я хотела бы обратить внимание. Исследователи альтернативных подходов и методов в социальной и политической науке из Кембриджского университета

недавно выпустили книгу «Подходы и методологии в современных социальных науках: плюралистическая перспектива». Там они развивают мысль о том, что интеллектуальный плюрализм может обогатить опыт исследований, поощрить нас учиться дальше, заимствовать друг у друга различные подходы и методы исследования. Социальные науки не должны становиться узниками некой ортодоксии, а должны постоянно обогащаться путем изучения других дисциплин, других разработок.

Но это не означает, что все годится, что исследователи могут смешивать и сочетать идеи, подходы, теории и методы, как им вздумается. И вот тут возникает вопрос о контроле. Где предел альтернативности? Политологи признают, что мы утратили некую иллюзию создания единой идеальной теории, которая способна все объяснить и указать политикам, как жить, как действовать и какие правильные политические решения принимать. Тем не менее строгость необходима. Что это должно быть? Может быть, некая новая наукометрия, которая позволяет вырабатывать критерии научности, практичности, применимости, дальнейшего развития, с тем чтобы был и диссенсуальный подход, позволяющий не отметить гениальные, интересные догадки, которые пока считаются глупостью, не входят в мегатренд представлений о том, как должна развиваться наука.

Я думаю, что стоит поставить вопрос о новом направлении, связанном с критериальностью, наукометрией – я не знаю, как это назвать. Это направление, вероятно, необходимо для того, чтобы понять, насколько разные концепции и инструменты познания «работают» в научном и в практическом смысле.

Камышанов Виктор Иванович, президент Федерации мира и согласия, по совместительству доцент кафедры политологии и политического управления РАН-ХиГС. Те вопросы, о которых мы говорим, – что такое кризис в современном политическом мышлении и как он проявляется, – очень важны. Я хотел бы обратить внимание на то, что мы все время апеллируем к новой политической реальности, которая представляет собой Китай. Это совершенно новое явление в современном политическом процессе. Китайцы имеют свой собственный подход, который требует нашего осознания. Все наши вопросы рассматриваем через призму европейской цивилизационной составляющей, а Китай – это совершенно другое явление.

Интересно, например, каким образом они продвигают свои идеи, готовят их заранее. Это вопрос о соотношении научного процесса и принятия политического решения. Мне кажется, методика, которую используют наши китайские коллеги, должна заставить нас задуматься над этим вопросом.

Они сформулировали политическую концепцию, «Великий шёлковый путь». Она постоянно насыщается определенными решениями. Все новые идеи сначала отправляют на общественную оценку и многие из них проводят через научные дискуссии. В этот процесс дают возможность включаться более широкому кругу участников, для того чтобы понять, какое из этих решений в данный момент наиболее эффективно, а какое следует придержать и начинать его развитие на последнем этапе. То есть в этой системе проявляется обратная связь, воздействие на процесс политического решения.

Однако специфика китайского подхода в том, что они постоянно проверяют, в какой именно элемент принятия окончательного политического решения позволяет встроить все это в обратную связь. И это, с моей точки зрения, является одним из наиболее важных преимуществ. Мы видим, что каждый раз они адаптируют свою систему к конкретным требованиям.

Очень важно, с моей точки зрения, найти какие-то механизмы и методики взаимодействия нашей российской практической науки с китайским взглядом на политические процессы в современном мире. Потому что сегодня не англосаксонская политическая наука, которая по своей логике нам более-менее понятна, а именно китайский подход к политическим процессам

будет полезен для того, чтобы понять: живем мы в условиях кризиса или просто в условиях паузы, которая даст совершенно новое измерение в современном мире.

Слизовский Дмитрий Егорович, доктор исторических наук, профессор, профессор Российского университета дружбы народов. В выступлении Михаила Васильевича (Ильина) мне понравилась идея обращения к нашему мыслительному аппарату. Именно мысль на сегодняшний день, как мне думается, является и должна стать объектом внимания политической науки. Традиционно политическая наука занимается государством, обществом в разных вариантах, политическими партиями, лидерством.

Я думаю, если мы поставим вопрос и склонимся к тому, что мысль является инструментом, с помощью которого у политической науки есть возможность соединиться с другими дисциплинами, повлиять на мысль и сформировать ее.

Мне кажется, что язык, которым пользуется сегодня политическая наука, не способствует взаимопониманию. Мы говорим все на русском языке, – посмотрите, какие внутренние конфликты существуют между нами, носителями языка. Однако, разговаривая, допустим, на русском и английском языках, можно, при определенных условиях, найти консенсус и согласие. И основанием для такого консенсуса и согласия может быть тип культуры, мировоззренческая парадигма.

Передовые страны сконцентрировали свое внимание на образовании, молодежь является сферой приложения внимания со стороны политиков, и политология подталкивает их к тому, чтобы был набор неких программ, влияющих на формирование сознания и мыслей молодежи.

Для того чтобы сделать прорыв в политической науке, нам стоит подумать, найдем ли мы свое место в инструментарии формирования видения сегодняшней жизни. И здесь образовательные программы могли бы нам помочь. В этом направлении можно было бы сформировать целый пул научно-исследовательских работ, которые могли бы продуцироваться либо индуцироваться, либо администрироваться со стороны политологического сообщества.

Шабров О.Ф. Есть вопросы, которые я бы хотел обозначить в связи с темой представленного Михаилом Васильевичем доклада.

Прежде всего, является ли развитие противоположностью кризису? Михаил Васильевич где-то даже обращается к понятию катастрофы, рядом положены понятия – катастрофа и кризис. В теории катастроф Арнольда катастрофа есть скачкообразное изменение. В этом смысле рождение человека и смерть человека – и то и другое – катастрофы. Что касается кризиса, то это расщепление. Но в теории самоорганизации это расщепление трактуется как точка бифуркации, расщепление, которое возможно как результат нарушения однозначной причинно-следственной связи, трактуется как переход системы в одно из возможных устойчивых состояний.

Так вот, в порядке иллюстрации приведу пример из медицины. Наступает кризис у пациента. Есть два возможных исхода: либо он умрет, либо он выживет. Вот что есть кризис. На самом деле не только в медицине, когда мы говорим о кризисе, возможны какие-то третьи, четвертые состояния, в которые перейдет система после бифуркации. В этом смысле кризис я бы не стал противопоставлять развитию. На мой взгляд, дихотомия здесь – либо развитие, либо деградация.

Это короткое вступление понадобилось для того, чтобы обозначить, на мой взгляд, все-таки определенные признаки деградации. Нас, политологов, давно упрекают: «У вас нет собственных методов. У вас просто есть объект, вы его изучаете». Проблема в том, что предметное поле политической науки не просто размывается, оно меняется. Сложно в настоящее время обозначить предмет и объект политологии. Сложно и с определением собственных методов политологии.

Любая наука проверяется на свою объективность и значимость достоверностью прогнозирования. В политической науке также существуют проблемы с прогнозированием. Кто, например, ожидал, прогнозировал, что на выборах президента США победит Трамп?

Кроме того, есть некоторые ловушки, в которые попадает политическая наука. Это связано с влиянием ценностей на процесс политологического познания. Ценности могут быть разные.

Можно выделить два критерия, которые отличают науку от других форм отражения, их уже давно сформулировал академик Вернадский. Это единство и неопровержимость. С точки зрения первого критерия: у меня одни ценности, у вас другие. У нас одни понятия, но есть и другие. Научным фактом в истории является не только событие, но и его интерпретация.

Интерпретация – значимый фактор. Сколько этих интерпретаций? Как судить, какая истинна, какая нет? Как быть с научным установлением факта? Возникает вопрос: наука ли, например, история? Такой же вопрос возникает в отношении политологии, если мы оцениваем достоверность и истинность фактора не на основании национально-государственных интересов, а в соответствии с научными ценностями. Вернадский разделял на этом основании идеологию и науку. У науки цель – добытая истина, новые знания, а у идеологии это проект, который надо реализовать. Там, где начинается идеология, кончается наука.

Здесь возникает ловушка для нашей науки. Если научная работа выдержана в духе соответствия «государственным интересам», то естественно, что государство ее поощряет, необязательно в финансовом плане – здесь и экран, и публикации, гранты. А если она не отвечает установленной идеологии, значит, такая точка зрения не получает аудиторию. Мы уже имели подобный опыт. В 30-е годы XX века в Советском Союзе появилась научная идеология, как только соединили науку и идеологию. В связи с этим возникает вопрос, не уходим ли мы сегодня в сторону политической лженауки в том смысле, что продолжаем называть политическую науку наукой, а на самом деле она таковой не является, а является скорее идеологией.

Ильин М.В. Хочу откликнуться на некоторые идеи, прозвучавшие в выступлениях коллег. Универсалии никуда не исчезают. Вопрос заключается в том, как возможно существование универсалий и меняющихся знаний. Видимо, нам необходимо перенести внимание с ускользающего на то, что не ускользает. Универсалия – это то, что не ускользает, что сохраняется, к чему добавляется ускользающее знание.

Квентин Скиннер говорил: идея оригинальности, данное слово возникает в английском языке в конце XVIII века. А Мильтон за сто с лишним лет до этого в первых строках своего «Потерянного рая» пишет, что хочет создать. Это «things, unattempted yet in prose or rhyme», не испытанные еще ни прозой, ни стихами вещи. Вот она, говорит Квентин Скиннер, идея оригинальности, за сто лет, причем она сформулирована как базовый принцип создания целого литературного произведения. То есть идея уже есть, а слова еще нет.

Нужно идти к основам. Когда мы идем к основам, мы как раз вытаскиваем то, что осталось неизменным. Фактически, конечно, изменяется, много раз переделывалось. Я своим студентам привожу пример. Первый, или один из первых социальных или политических институтов – гостеприимство. Два племени встретились и не уничтожили друг друга, использовали гостеприимство. Этот институт и его когнитивная схема многократно воспроизводятся. И сейчас 80 или 90% всех политических институтов – его производные: и гражданство с паспортом, и дипломатический иммунитет, и членство в партии, и всё что хотите. Все эти институты – многократно переделанное гостеприимство. У нас есть универсалия.

Таким образом, если мы будем пытаться реконструировать, то увидим, что просвещение, прогресс не ушли. Они остались в виде глубинных слоев, которые воспроизводятся снова и снова. Шанталь Муфф, еще когда писала с Эрнестом Лакло про дискурс, вроде придумала что-то совершенно новое, убегающее, оригинальное, агонический дискурс. Однако она воспроизводит совершенно нормальное открытие, сделанное Кантом, – антиномии.

В нашем дискурсе всегда сохраняются оппозиции. Отсюда, например, возникает представительное правление, народ может править, народ не может править. Как возможно, чтобы народ не мог править и должен был бы править? Как представительное правление.

Немного скажу про замечательные слова, которые здесь процитированы и неоднократно повторялись: «Политическая наука – дисциплина хотя и гуманитарная, но точная». У каждой науки своя мера точности. Не надо путать разные предприятия и требовать от одного предприятия той меры точности, которая есть у другого. Не надо требовать от фундаментальной науки ответа, кто победит на французских выборах: Макрон или еще кто-то. Это не тот вопрос, который требует серьезного научного предсказания. Тут достаточно краткосрочной прикидки с помощью прикладных аналитических построений. Если задаваться вопросом о том, что произойдет во Франции в течение 30–40 лет, – тогда это другой вопрос, более основательный, более сложный.

Меняются представления людей и их запрос на участие в политике. Если, например, рассмотреть вопрос о популизме, то можно обнаружить следующую картину. Сейчас часто события, происходящие на выборах в странах Западной Европы, трактуются как подъем популизма. При более внимательном анализе становится ясно, что никакого фантастического зверя под названием «популизм» нет, а в самых разных видах проявляются популистские синдромы.

Например, в Восточной Германии перед падением Берлинской стены люди вышли на улицу и сказали: «Wir sind das Volk» («Мы – народ»). И всё рухнуло, потому что большая часть людей сказала: «Мы – народ». Сейчас «Альтернатива для Германии» выходит и говорит: «Wir sind das Volk». Они помнят, что им говорили папы с мамами и что они сами говорили. Они думали, что всё будет другое, ничего не изменилось. Выстроили партийные системы, создали парламенты и другие институты, а народ не слышат. Если мы так проанализируем подъем популизма, тогда станет ясно, что есть тренд, который не замечается и в рамках которого политики принимают совершенно контрпродуктивные решения.

Я могу привести другой пример – референдумы о независимости в различных регионах. Для его адекватного понимания следует учитывать, что меняется ожидание людей относительно того, как должна быть организована их жизнь, как они должны быть услышаны. Не реальность меняется, меняются очки людей на улице, избирателей. А мы и наши коллеги поменять очки не спешим. Отсюда и кризис.

Возвращаясь к актуальности Канта и к тому, что универсалии были открыты. Еще даже раньше Канта Лейбниц в маленькой книжке описывает, что происходит в Священной Римской империи: имперство, или цезарство, между князьями распределено. Это не какой-то сбой, это нормальное явление многоярусного суверенитета. Он, конечно, не употребляет словосочетание «многоярусный суверенитет», но показывает, что происходит циркуляция суверенных полномочий – нормальная ситуация в Священной Римской империи в XVII–XVIII вв. В контексте нынешних тенденций и проблем развития Европейского союза эти идеи очень актуальны. Не обязательно нам сейчас ждать, чтобы новый Лейбниц появился в Германии, может, кто-нибудь из наших исследователей поработает над идеей многоярусного суверенитета. Каждый должен своим делом заниматься. Политолог должен заниматься не написанием прожекта для Юнкера и прочих, а описанием и анализом того, как может существовать многоярусный суверенитет. Это может быть очень актуально и для России.

Переживает ли политическая наука кризис?²⁹

*В. Патцельт*³⁰

Аннотация. На первый взгляд, с нынешней политической наукой все в порядке. Если посмотреть на нее с самых начал возникновения в Афинах, она развивалась особенно успешно во времена политических кризисов, поскольку интеллектуально стимулировалась падением режимов, геополитической перестройкой и повышением международной напряженности. Более пристальный взгляд выявляет тревожащие признаки «нормальной» политологии. Они включают привлекательность рутинных исследований вместо обращения к острым политическим проблемам, попытки «угодить публике» вместо критического отношения к устоявшимся образцам мышления и поведения, удобное ограничение исследований лишь текущими проблемами вместо извлечения уроков из всего богатства исторического развития, использование «западного этноцентризма» вместо «аналитического космополитизма». Статья подвергает критике эти стороны профессии и приглашает новые поколения политологов к проблемной и теоретической открытости.

Ключевые слова: политика; политическая наука; теория; методология.

W. Patzelt

Is political science in crisis?

Abstract. At first sight, political science seems to be on a good way in most countries. If this discipline, as a look at its beginnings in Athens may suggest, will flourish particularly well in times of political crises, then political science should be intellectually well fed in our period of regime collapse, geopolitical restructuring, and growing international tensions. At second sight, however, some disturbing features of «normal political science» become evident. They include the attractiveness of doing academic «routine science» instead of coping with actual practical problems; attempts at «pleasing the public» instead of taking a critical stance towards established political thought and behavior; comfortable limitation of research interests to contemporary issues instead of attempts at drawing lessons from the whole span of history; and practicing «occidental ethnocentrism» instead of striving at «analytic cosmopolitanism». The article challenges these characteristics of today's political science, thereby inviting a new generation of political scientists to new thematic and theoretical openness.

Keywords: political science; scientism; ethnocentrism; lessons from history; critical thought; role of political scientists.

I. Что за кризис?

Кризис в политической науке? Что еще за кризис?! Разве политическая наука не является прочно утвердившейся академической дисциплиной во всех плюралистических демократиях?

²⁹ Статья написана специально для журнала «Политическая наука». Перевод с немецкого выполнили Шулика Юлия Евгеньевна (НИУ ВШЭ), Камоликова Валерия Романовна (НИУ ВШЭ) и Авдонин Владимир Сергеевич (ИНИОН РАН).

³⁰ **Патцельт Вернер**, профессор Института политических наук Технического университета Дрездена (Германия), e-mail: werner.patzelt@tu-dresden.de. **Patzelt Werner**, Institute of Political Social Sciences, TU Dresden (Germany), e-mail: werner.patzelt@tu-dresden.de.

Разве она не становится профессией даже в куда менее свободных обществах? Не существуют ли ассоциации политической науки в половине стран мира? Разве повсеместно не проходят политологические конференции? Не проводят ли политологи публичные дебаты во многих странах, причем зачастую с широким отражением в средствах массовой информации? Разве мало политологов выступают в качестве политических консультантов? Все это скорее свидетельствует об истории успеха, а не о кризисе!

Это всё так. Однако кризисы далеко не всегда легкоузнаваемы или драматичны. Надвигающиеся и долгое время остающиеся незаметными кризисы особенно опасны. Кризис возникает, когда нежелательные события объединяются в некую совокупность, хотя поначалу они были безвредны и не слишком связаны между собой. Таким образом заблуждения закрепляются как самоочевидности и направляют изменения в порочное русло. В итоге развивающаяся система может впасть в кризис или даже оказаться в тупике. Нечто подобное сегодня можно заметить в политической науке, хотя нет никаких проблем с материальными трудностями: мы не экономим на профессорах, не сокращаем исследовательские фонды и бюджеты конференций, занимаемся развитием профессии в менее свободных государствах. Эти трудности обусловлены внутренними проблемами политической науки.

Но можно ли в действительности назвать происходящее кризисом? Необходимо определить критерии для оценки такой ситуации. Возможно, следующие размышления могут послужить некоторому общему представлению о сложившихся обстоятельствах.

II. Вызовы политологам и их ответный долг

Западная политическая наука возникла во времена Платона и Аристотеля, во времена кризиса греческого полиса, который гордился гражданским правом на участие свободных людей, и была порождена этим кризисом. По существу, и азиатский аналог тому, что на Западе стало политологией, вырос из политического кризиса. Это было учение Конфуция и его учеников в ответ на распад имперских порядков династии Чжоу во времена Весен и Осеней, а затем Сражающихся царств. В обоих случаях речь шла о поиске политических решений для переделки становящихся неустойчивыми политических порядков в более основательные. Такие способы разрешения проблем можно выявить при помощи сравнительного наблюдения за существующим положением с учетом прошлых или изначальных альтернатив. В том смысле, чтобы суметь «изнутри» или «от оснований» целостно переосмыслить проблемы не только эмпирически, но прежде всего теоретически.

Критерием успеха политической науки, таким образом, станет ее способность получить качественно широкие и углубленные результаты, которые позволили бы ощутимо улучшить политическую практику. Однако коль скоро цепь последовательных взаимодействий между политическим познанием и практикой зачастую довольно длинна, требуется во всех ее звеньях как можно чаще доказывать «истории успеха» дисциплины. В то же время есть и мнение, что многие достигнутые учеными результаты исследований следует использовать для улучшения практики самой политики. Это подтверждают работы Августина и Фомы Аквинского, труды Никколо Макиавелли и Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо, Карла Маркса и Макса Вебера, а также теории Джона Роулза и Юргена Хабермаса. Сегодняшняя политическая наука, теоретически или эмпирически ориентированная, видит себя именно в этой традиции. Политология не может не реагировать на кризисы своего времени. Первым делом нужно показать, существуют ли они в действительности. Если это так, то какова добавленная ценность, которую политическая наука способна создать на фоне повседневного понимания политики?

Кризисов, а значит, и потребности в их научном изучении, сегодня более чем достаточно. Они варьируются от распада государств во многих частях мира до растущей нестабильности международных отношений и бесконтрольности «новых войн», которые происходят

уже не между государствами, а между вооруженными группировками. Они усугубляют расширяющийся разрыв в уровне благосостояния между бедными и богатыми вкупе с увеличением миграционных потоков с глобального Юга на глобальный Север, выливающих в эскалацию конфронтации Ислама и Запада. Обостряется кризис западного государства всеобщего благосостояния, лишённого комфорта надежных границ. Растет привлекательность обещающих надежное правление диктатур как альтернативы западной плюралистической демократии. Маячит призрак идеальной модели глобальной государственности.

Все это ставит не только основательные практические задачи для политики, но и бросает серьезные интеллектуальные вызовы политической науке, обращает политическую науку прямо к ее основаниям. Эта дисциплина до сих пор была тесно связана прежде всего с западной теорией государства и государственной практикой, в то время как лидирующее положение в международном устройстве в настоящее время обретает Китай. Западные представления о регулировании *международных* отношений проигрывают не только из-за своей деятельной самонадеянности, но и потому, что ослабевает влияние самих западных государств на международные отношения, подорванное той же самонадеянностью. Кризис также трансформирует *внутригосударственное* понимание политической науки как «науки демократии и для демократии» в той мере, в какой «современное западное государство» осознается как исключительный культурный и исторический феномен, а не как «необходимый стандартный случай». Это изменение в самовосприятии политической науки распространяется и дальше, поскольку эмпирическая и теоретическая политическая наука существует даже в авторитарных диктатурах и полусвободных обществах и обеспечивает там власть практическими знаниями «о господстве» подобно тому, как политическая наука в XVII в. обеспечивала усиление княжеской власти и восходящий абсолютизм.

Каковы в такой ситуации требования к политической науке и задачи политолога? Их можно свести к четырем пунктам, по которым можно было бы судить о реальном положении дел в политической науке, а затем и о глубине кризиса. Во-первых, необходим *космополитизм*, а не западный этноцентризм, иными словами – аналитическое мышление, основанное не исключительно на западном политическом опыте, а принимающее во внимание проблемные ситуации, например, в Африке и Азии. Во-вторых, требуется принятие *исторического холизма* вместо исключительного интереса к проблематике настоящего, т.е. необходимы: взгляд на всю совокупность форм правления в человеческих обществах и его «грамматику»; контекстуализация современного анализа, основанного на знаниях о том, в какие общие вневременные образцы могут быть встроены происходящие процессы. В-третьих, нужна *критическая политическая наука*, а не сочувственное отношение к настоящему, т.е. дисциплина, которая подвергает сомнению самоочевидные особенности современной политической мысли, тем самым поощряя реформы и изучение новых путей. В-четвертых, необходима *практическая наука* о политике, т.е. наука должна делать адресатом собственных исследований не только круг политологов, она также должна искать контакт с политической практикой и влиять на нее – как когда-то, хотя и в совершенно других условиях, делали Аристотель и Конфуций.

Разумеется, есть много политологов, которые уже выполняют свою работу в космополитической и сравнительно исторической перспективе, которые стремятся к критическому и практическому отношению к политике своей страны и своему времени. Поскольку такие ученые, разумеется, в разной степени и в разных областях формируют практику политологии, эта дисциплина имеет хорошую перспективу. Но там, где все эти четыре требования не выполняются, мы можем констатировать развитие кризиса.

III. Кризисные симптомы политической науки

1. Сциентистская рутина вместо практической науки

Та самая «поведенческая революция», которая после Второй мировой войны изменила (хотя и с задержкой в некоторых странах) всю политическую науку, привнесла с собой триумф действительно научного анализа политических институтов, процессов и их наполнения. Ключевой принцип заключался в том, что не существует логических различий с точки зрения проведения исследования между естественными, социальными и гуманитарными науками и что в лучшем случае те или иные методы сбора и анализа данных отличаются друг от друга лишь в зависимости от выбора предмета исследования. Тот факт, что этот принцип в дальнейшем стал распространяться на учебники и учебные программы, научные исследования и издательскую практику, воспринимался положительно. Представляется также правильным, что социально-научное учение о методах стало обязательной дисциплиной в рамках учебных программ по специальности «Политическая наука».

Наряду с традиционным взглядом на политическую науку как *мастерство*, которое постигается посредством обучения философии, юриспруденции и истории, и как *искусство* заниматься практическими политическими проблемами появилось представление о политической науке как о *ремесле*, постигаемом в соответствии с надежными процедурными правилами. Этот образ стал преобладающим и превратил политологию в нормальную дисциплину в рамках общественных наук. С тех пор она включала в себя теоретическую работу и как следствие – построение гипотез, тщательное составление выборки и исследуемых случаев, методологически обоснованный сбор и анализ данных, который больше не работает исключительно со средствами классической герменевтики, но также использует статистические данные и математическое моделирование. Кроме того, научные статьи по политической науке обрели четкую структуру: исследовательский вопрос, степень разработанности проблемы, выбор метода, представление результатов, интерпретация данных, выводы с точки зрения дальнейшего изучения и практики. Нет ничего ошибочного и вызывающего критику в такого рода «сциентизме».

Однако некоторые победы приносят и проблемы, если победитель сначала становится самоуверенным, а затем отказывается учиться. Такова была судьба политологического сциентизма везде, где он превратился в рутину и стал тривиальным. Последний наиболее отчетливо заметен в статьях, представленных в специализированных журналах. Довольно часто из высокоабстрактных теорий берутся гипотезы, выведенные лишь для того, чтобы их операционализировали и протестировали (видимо, для демонстрации соответствующих методологических возможностей). Эти гипотезы при этом зачастую выдвигаются без учета их научной или даже политической значимости. Например, предполагается, что в силу максимизации полезности единомышленники в парламенте (правда, при условиях X и Y) будут объединяться во фракции и таким образом достигать коллективных решений. Это утверждение проверяется на основании данных парламентского голосования, и в итоге мы получаем доказательство того, что каждый политический обозреватель и так знает: главным образом при парламентской форме правления парламентарии практикуют фракционную дисциплину! По сути дела, здесь заново получены давно проверенные повседневные знания, которыми владеют политики-практики. Иногда даже кажется, что некоторые авторы практикуют политологию, не будучи наделенными политологическим «музыкальным слухом», т.е. не имея интуитивного базового понимания своего предмета. Такие тексты затем приводят к «политической науке без политики», которая так же бессмысленна, как музыковедение без музыки. Конечно, нет ничего смертельного в том, чтобы «научно доказывать» уже известные вещи или объяснять их по-новому. Но большая

часть исследовательской энергии тратится впустую, если при этом выявлено слишком мало чего-то действительно нового.

Шансы для достижения научного прогресса путем открытия нового значительно сокращаются, когда (и такое поведение часто представляют подрастающему поколению политических ученых в качестве само собой разумеющегося) осторожная дальнейшая проработка уже известных теорий заменяет собой смелые предположения, которые часто требуют смелости даже для их формулировки, не говоря уже о готовности подвергнуть их впоследствии тщательной проверке. Научный прогресс также не происходит, если искать эмпирические казусы, которые приводятся для демонстрации публикационной и профессиональной пригодности или наличия навыков и компетенций по теоретизированию, моделированию и статистике. Научный прогресс также не достигается, когда молодые ученые должны заботиться больше о приспособлении к установленным формам мышления и соответствующим возможностям публикации, вместо того чтобы находить академическую среду, в которой они получают отклик на готовность к анализу постоянно возникающих политических проблем и их возможных решений.

Тем не менее для нового зачастую может еще не существовать «проверенной теории», а для его анализа, возможно, совсем нет никакого «проверенного исследовательского подхода». Количественное исследование, как «жемчужина политологического сциентизма», не всегда возможно. Часто более уместен качественный подход, особенно если это касается выработки новых теорий, основанных на выявленных объективных фактах. Однако на репутационной шкале политической науки качественным исследованиям зачастую отводится место в самом низу, что в итоге создает невыгодные стимулы. В учебных программах полноценное образование вряд ли возможно, если обучать лишь количественным методам. Ощущается нехватка преподавания качественных методов исследования и обучения молодых ученых соответствующим навыкам. Заявление об использовании качественных методов зачастую воспринимается как привилегия, заключающаяся в возможности не соблюдать строгие научные правила. Некоторые воспринимают «качественное исследование» как применение интуитивной практики по принципу «сделай сам».

Кроме того, совершенно неверно ведут себя редакции политологических журналов и аттестационные комиссии. Зачастую ставка делается именно на конвенциональность, общепринятость. Приращение знаний относительно уже известного представляется более безопасным для академической репутации, чем открытие нового или даже комбинация далеко разбросанных исследовательских паззлов, что способно привести к новому образу или новому восприятию контекста. Во всяком случае, не стоит удивляться, что политологи, которые видят свою главную задачу в производстве мелкомасштабных «трудов» на второстепенную тематику, ограждают себя от интеллектуального дискомфорта прикладных политических вопросов, защищая свое узкоспециализированное.

К сожалению, к узкому исследовательскому горизонту приучают уже во время учебы. То, что начинается как изучение отдельных «образцов» без каких-либо претензий на аналитическое обобщение, зачастую продолжается как стремление к «специализации», причем еще до получения первой академической степени. Также поощряется, если бакалаврские и магистерские программы стремятся выработать такой образовательный подход, который ведет к тому, что специализированное содержание будет пересекать дисциплинарные границы. В итоге один становится специалистом по «европейским исследованиям», а другой – специалистом в области «администрирования». Однако лишь немногие становятся политическими учеными, которые понимают масштаб того, что действительно играет роль в политической деятельности или в функционировании институтов, т.е. то, что действительно значимо для преодоления аналитических и практических недостатков. Конечно, трансдисциплинарность и синергия нескольких дисциплин представляют важность, особенно когда речь идет о решении практических проблем. Однако невозможно представить, чтобы один ученый мог быть вполне ком-

петентным более чем в двух или трех дисциплинах и иметь базовое понимание о подходах и результатах исследований всех других дисциплин. Предпосылкой транс- и междисциплинарности считается поэтому дисциплинарное (предметное) образование. Для политической науки это представляется особенно правильным, так как считают, что именно благодаря сциентизму она стала чем-то большим, чем «междисциплинарный» подход к политике, просто объединяющий точки зрения права, истории и философии. Продолжение такого подхода (что в настоящее время считается правильным) к «междисциплинарным учебным программам» может привести в скором времени к кризису политической науки по части отбора талантливых молодых ученых и их дисциплинарного самоопределения.

Только особые формы проблемного взаимодействия, где, с одной стороны, специализация, а с другой стороны, «междисциплинарность», представляют собой актуальный путь развития. Например, если предмет «Международные отношения» делают полностью самостоятельным и убирают из его учебной программы все, что связано с политической наукой, то это выглядит так, как если бы международные отношения считали стабильным объектом исследования без учета влияющих на их структуру воздействий государств и их функциональных эквивалентов. Существует и разделение между политической теорией и эмпирической политической наукой. При этом, с одной стороны, в области политической теории часто уклоняются от эмпирического обязательства проверять свои утверждения, заявляя: «Это только теория!», а с другой стороны, довольствуются иллюстрацией отдельных случаев, снимая с себя обязанности провести исследование в соответствии со строгими методологическими стандартами, заявляя: «Это всего лишь качественное исследование!» И возникает тенденция искать важные проблемы политической науки в «дискурсах», которые благодаря их письменной форме гораздо легче понять и проанализировать, чем те социальные процессы, которые только отражаются в политических дискурсах, но не исчерпываются ими.

Усиление сциентизма в политической науке приводит и к разграничению роли ученого и гражданина. Для Платона и Конфуция было само собой разумеющимся использование такого стиля мышления, который включался в формирование сообщества и выходил за рамки просто политического мнения. С Макиавелли было то же самое. Он сильно страдал от невозможности перевести свои аналитические идеи (полученные как из современной ему, так и из римской истории) в некоторую сформированную им политическую практику. Безусловно, для появления столь желанной эмпирической науки о политике было полезно и даже необходимо понимание, что оценочные суждения о «должном» (*das Sollen*) никогда не смогут заменить знания о «сущем» (*das Sein*). Оценочные суждения в исследованиях не приводят к хорошему результату, потому что только сотрудничая и споря по сложным проблемам в рамках реальной совместной работы можно получить полезный результат. Но всё же из спроса на важную для политической науки свободу выражать оценочные суждения часто вытекает утверждение, что политологу позволительно излагать свои политические взгляды даже в том случае, когда он не может обосновать их научно «как правильные». Действительно, почему тот, кто более осведомлен с точки зрения политического содержания, процессов и структур, чем многие сограждане, со всеми своими знаниями в области политических наук, не должен участвовать в политических дебатах?

В сущности, сциентизм делает политическую науку стерильной, когда ставит знак равенства между отказом от оценочных суждений в процессе научного исследования и принципиальной обязанностью политологов отказаться от политического позиционирования. В конечном итоге это будет означать, что политолог должен стать «политическим евнухом»: либо прекратить свою политическую деятельность, либо, оставаясь в ней, не использовать свои специализированные навыки в области политологии. Однако первое приводит только к тому, что политическая наука вовлекается в политическую безответственность и ищет себя где-то между

политическим наемничеством и аполитичным отрешением от всего мира, а второе просто неустойчиво на практике, что приводит в лучшем случае к притворству или лицемерию.

2. Желание понравиться вместо критики системы и идеологии

Представляется желательным не только понять, но и из хороших побуждений принять тот факт, что политологи в диктаторских или полусвободных обществах стремятся оберегать свой подверженный опасности предмет (дисциплину) и даже свою собственную безопасность, осторожно избегая политических споров и вызовов власти имущим. В конце концов, свобода, здоровье и жизнь первостепеннее, чем свобода науки или стремление к самопознанию, иными словами – удовольствие от оригинального мышления и политической аргументации. Но в плюралистических демократиях нет оснований для такого плоского восприятия и отношения, однако даже там политические ученые не лишены политического оппортунизма. Нередко случается, что политологи следуют преобладающим политическим способам мышления и аргументации или, по крайней мере, стараются им не противоречить. Мотив заключается не в том, чтобы не задеть и не вызвать у кого-то неудовольствие, а чтобы обеспечить дружеские аплодисменты от тех, кто задал тон, особенно в тематических статьях и специализированных журналах. Это «позитивное» поведение, которое укрепляет существующие условия и уже запущенные политические дискурсы.

В этом нет ничего дурного до тех пор, пока существующие условия хороши, а соответствующие дискурсы рационально подкреплены и ориентированы на факты. Поэтому, если политологи положительно относятся к плюралистическим демократиям и их либеральным фундаментальным порядкам, это похвально. Только не существует «закона природы», что с точки зрения содержания или долгосрочной перспективы развития свободного общества является правильным все то, что думают, говорят, желают и делают представители и защитники таких обществ. Также возможно, что среди них могут стать нормой определенные привычки мышления и поведенческие практики, которые, хотя и появились из благих намерений, все же не служат продолжению существования политической свободы. Сегодня это тот случай, когда именно ради демократии мы сошлемся на совет Вольтера о том, что можно решительно бороться с политической позицией другого человека, если ты с ней не согласен, гарантируя в то же время, что эта позиция будет представлена в политической дискуссии. Только такое отношение делает возможным плюрализм и демонстрирует его преимущества, а именно то, что из спора по поводу фактов, логики рассуждения и ценностных оценок можно лучше узнать о слабых сторонах собственной позиции, а затем улучшить их. Понятно, что плюрализм нуждается в минимальном консенсусе, потому что без него желаемая дискуссия быстро превращается в борьбу, а обсуждение перерастает в насилие. Однако достигнутый консенсус должен быть действительно минимален. В сущности, он не должен охватывать больше, чем уважение прав человека (в том числе права на отличное от других мнение); принцип ненасилия; взаимное соглашение о том, на какую площадку должен быть вынесен тот или иной спор: какой будет решаться в суде, какой в парламенте, а какой – на улице во время демонстрации.

Однако всё чаще можно наблюдать, что в университетах препятствуют выражению противоположных мнений при участии самих политических ученых. Они требуют, чтобы не допускались ранее приглашенные докладчики, срывают их лекции, мешают проведению подумных дискуссий с участниками по чисто политическим мотивам. Под такое отношение подводят отдельные спорные проблемы или позиции, которые считаются «политически некорректными», иными словами, они отвергаются по этическим или интеллектуальным причинам и поэтому не допускаются к обсуждению на равных. При этом на предметы, в отношении которых дается оценка как «политически корректных» или «политически некорректных», не распространяют принципы минимального плюралистического консенсуса. Хотя и заявляют, что

«политически неверно» ограничивать права человека, имеющего отличное мнение, применять насилие в споре или умышленное уклонение от правил, предписанных отдельно взятой площадке для разрешения спора. Однако некоторые конкретные политические позиции делятся на «правильные» и «неправильные», а отстаивание «правильных позиций» само по себе является предпосылкой к политическому конфликту. Такое отношение вызывает проблемы, когда политические ученые требуют выработать ограничения на допуск к дискуссии ввиду политической компетенции и авторитета, вместо того чтобы защищать право каждого на несогласие и альтернативное мышление, что, в свою очередь, является предпосылкой политической науки. На самом деле, немало политических ученых считают, что людям с «политически некорректными» позициями нужно не только противостоять, но и отнимать у них любую площадку для распространения своих взглядов. В принципе, считается необходимым вообще исключить их и их мнение из политического дискурса.

Такое отношение еще можно в определенной степени понять, принимая во внимание вынесение за скобки по политическим причинам споров по поводу тех вопросов, которые основываются на фактах. Например, действительно ли Холокост имел место и сколько миллионов людей в нем погибло. И хотя задача не политики, а только науки отвечать на вопросы о фактах, вопрос о действительности и масштабах Холокоста (по крайней мере, в Германии) зачастую бывает тесно связан с вопросом о свободной системе правления в целом. Отстаивание последней, безусловно, является задачей политологов, которые хотят внести позитивный вклад в общественную дискуссию своей гражданской позицией. В какой-то мере изоляцию инакомыслящих еще можно понять также в спорах о понятиях, имеющих сильную политическую нагрузку. В политическом дискурсе они могут разлагать или дезорганизовывать политическую власть, например, обсуждениями вопросов о существовании различных человеческих «рас» или «является ли отдельно взятое государство диктатурой». Здесь также стоит согласиться, что именно гражданские устремления политолога могут побудить его к попыткам одолеть инакомыслящего не с помощью аргументации, а путем исключения его из дискурса.

Однако в случае спорных вопросов, которые полностью подчиняются свободе выражения мнений, такое отношение не может быть понято так же легко. В качестве таких вопросов можно выделить, например, следующие: может ли миграция создавать проблемы для принимающего общества, и в частности: каково должно быть число мигрантов за один квартал или какие культурные различия и проблемы есть между мигрантами и людьми, уже долгое время проживающими в стране, какие формы и масштабы примут эти проблемы? Кроме того, это касается тех тем, в которых политическая наука может сделать важный вклад в объективацию подобного рода дебатов. Большое влияние оказывают факты, вероятностные оценки и ценностные приоритеты с ориентацией на определенные интересы. Тем самым предоставляется возможность для научного разъяснения того, что действительно будет иметь место, или того, на что можно надеяться. Тем не менее именно в вопросах подобного рода наблюдается тенденция, когда политические ученые ориентируются на те позиции, которые в настоящее время преобладают в политике и общественном мнении. За правило поведения берется принцип: по возможности никому не перечить, не получать аплодисментов от «неправильной стороны», не рисковать, чтобы не выделяться. Однако такая оппортунистическая практика затягивает политическую науку далеко в сферу влияния культурной гегемонии и подчиняет ее доминирующим чисто политическим взаимосвязям. В случае, если исследовательская деятельность в области политических наук напрямую зависит от государственных (т.е. политически подконтрольных) субсидий, можно наблюдать, как финансовая сторона дела пронизывает поведение политической науки. В таких условиях политологи мало чем могут помочь по части урегулирования политических кризисов. Скорее, они становятся политическими и научными авторитетами, которые утверждают, что защитники тех, кто своими действиями вызвал те или иные кризис-

ные явления, дают повод для нежелательной критики политической системы как «политически неправильной».

С таким приспособленческим отношением к системе и политике политическая наука становится покорной служанкой правящего политического класса. Это можно понять в диктаторских режимах; в плюралистических демократиях, однако, это поражает и вызывает недоумение. Наиболее подходящая задача для политической науки здесь – критика системы. Это означает: нужно задаваться вопросом о существующем (порядке), обнаруживать его слабые стороны, давать оценку конкретному политическому порядку и проводимой в его рамках политике на основании прозрачных и открыто обсуждаемых стандартов оценки, чтобы, в конечном счете, конкретные предложения по реформе могли быть рассмотрены с некоторой вероятностью на успех.

В 1960–1970-е годы, когда (нео)марксизм переживал ренессанс в политической науке, для многих коллег было почти само собой разумеющимся принимать исключительно критическое, а не поддерживающее отношение к существующему экономическому, общественному и государственному устройству. Вероятно, во многом это было связано с тем, что тогда марксизм, отвергающий капитализм, был на волне популярности, а в соответствии с ним, чтобы быть критичным, не требовалось что-либо обосновывать. Между тем критически настроенное тогда поколение заняло ведущие позиции в обществе, политике и экономике и привело на влиятельные посты последователей, сформированных по их же образу и подобию. Достижные тем самым своего культурного и руководящего положения лидеры, возможно, переживают, что критика системы (на сей раз прежде всего со стороны правых популистов) направлена против нее самой и ее политического наследия. Несомненно, в таких обстоятельствах прежнее удовольствие критиковать уступает место желанию сочувствовать всему тому, в создании чего сам принимал участие. Это ничем не отличается от поведения всех бывших, некогда могущественных, а затем почувствовавших закат своей эпохи, поколений. Словом, это вполне понятно, когда вместе со сменой политических поколений и сами политологи начинают колебаться между гражданской критикой и сочувствием.

Однако это далеко не первостепенная задача политологов – дрейфовать на таких волнах политико-культурной диалектики. Скорее критика в выше очерченном смысле является профессиональной долгосрочной задачей. Она проявляется не только как критика системы, но и как критика идеологии. Это подразумевает критику современного господствующего образа мысли, который направляет в определенное русло любую возможную политическую практику. Ведь для критической политологии постоянно необходима и критическая рефлексия по поводу особой перспективности, избирательности и нормативности собственного политического мышления. Критика, которая относится к личному политическому мышлению «с сочувствием», в принципе представляет собой не больше, чем экспрессивное желание. Это желание политолог может практиковать в роли гражданина страны, однако это оставит его позади всего того, что он как политолог мог бы сделать.

Чтобы предложить действительно полезную критику системы и идеологии, политическому ученому нужно выработать довольно твердую позицию, которая будет (насколько это возможно) независимой от специфической для конкретного времени политической и дискурсивной моды. «Нормативная политология» (т.е. научная выжимка из политики, строящаяся на рациональном объяснении оценочных суждений) предлагает здесь предпосылки для оценочных суждений, помогающих политологу выйти за пределы того уровня суждений, которого уже не хватает в политическом повседневном дискурсе. В сущности, до Макиавелли политология в целом была такой нормативной наукой, при Аристотеле – наукой о «хорошей жизни» (благе), которую можно достичь через правильную политику. Но и Макиавелли формулировал оценочные суждения, даже если он относил их к эффективности политических мер: хорошо всё то, что позволяет достичь желаемой цели. Для политологов-марксистов «нормативное» тоже

не было проблемой: «Политически было хорошо то, что возникло из партийной солидарности с целью освобождения от ненужного, особенно тисков капитализма». А для консервативного политолога Лео Штрауса релятивистская, либеральная политология, которая не ставила «должное» в центр политической мысли, была бессмыслицей.

Однако в понимании того, что из сущего может проистекать должное (во всяком случае, в чисто техническом, а не в этическом и, следовательно, политическом смысле), нельзя обращаться лишь к доводам разума. Поэтому *классическая* нормативная политическая наука уже невозможна. Но если бы политическая наука решила покончить с бывшей ролью «ориентирующей науки», которая обосновывала свою практическую ценность надежной постановкой норм и целей, то это была бы цена, которую нужно было бы заплатить за прорыв в научном исследовании политики. Однако еще не понятно, будет ли эта цена действительно заплачена. Скорее всего, нормативная политология будет основываться на новых принципах. И то, что на сегодня здесь имеется только программа, а не практика, также способствует кризису политической науки.

С одной стороны, на данный момент было бы лучше, если бы политическая наука исходила из эмпирически-антропологических, а именно: социально-биологических и эволюционно-психологических оснований. В этом случае такие понятия, как «нравственная интуиция», приобрели бы прочный эмпирический смысл, который вышел бы далеко за рамки статуса «философской концепции». То, что пытались измерить (понять) такие классики, как Аристотель или Гоббс, в своих размышлениях о «природе человека» путем сравнения небольшого количества наблюдений, а также сложных рассуждений, уже давно можно объяснить эмпирически с точки зрения науки, хотя исследования всё еще далеки от полного осуществления этих познавательных интересов. Однако теперь ясно, что «моральное априорное знание» на индивидуальном уровне существует так же, как и «гносеологическое априорное знание», и оно является при этом *онтогенетическим* априорным знанием для отдельно взятого человека, но *филогенетически* оно является апостериорным (знанием, основанным на опыте), т.е. представляет собой результаты миллионов лет эволюции нашего вида. Осознание этого не отменяет никаких моральных или политических решений, так же как и знание эпистемологических априори не освобождает нас от выбора между конкурирующими теориями или методами исследования. Тем не менее ключевой интуитивный принцип классической нормативной политической науки, что не все нормы чисто произвольны, если впоследствии формируется «хорошая жизнь» или, по крайней мере, устойчивое развитие, по-видимому, подтверждается эмпирически.

С другой стороны, можно легко заметить логическую структуру оценочных суждений в политической науке, которая к этому стремится. Но это позволяет принимать меры по улучшению практики оценочных суждений. По существу, оценивание состоит из трех элементов.

Во-первых, существует свидетельство об оцениваемом объекте, а именно о его существовании и его свойствах. Такое свидетельство может быть чем-то, находящимся между эмпирически подтвержденным (истинным) и эмпирически опровергнутым (ложным). Во всяком случае, оно должно быть конкретизировано путем проведения научной работы до тех пор, пока оно действительно не совпадет с фактами, т.е. пока не станет истинным с эмпирической точки зрения. В противном случае оценка просто не достигнет результата, поскольку она будет относиться к несуществующему положению дел, которое не существует или основывается только на оценочном суждении.

Во-вторых, существуют критерии оценки, например, нормативной теории, в которой говорится, какое действие хорошо, а какое плохо. Такими теориями были бы теория справедливости Джона Ролза или утилитарные размышления Джереми Бентама. Конечно, убеждение может быть доказано, т.е. эмпирически может быть как истиной, так и ложью. И хотя нормативная теория может быть логически безошибочной, она также может быть эмпирически ни истинной, ни ложной, потому что нет перехода между «сущим» и «должным». Во всяком слу-

чае, она может и должна быть по логике причинно-следственных связей «нормативно полезной», т.е. при исполнении того, что должно быть сделано, проявить именно те эффекты, которые она представляет в качестве «благоприятных». Таким образом, критерии оценки всегда могут быть включены в оценку только в результате принятия решения, а не эмпирического исследования. Поэтому выбор критерия оценивания всегда является спорным и обычно не безальтернативным. Здесь, следовательно, мы неизбежно покидаем сферу ответственности сциентизма.

В-третьих, подлежащие оценке факты и выбранный критерий оценки объединяются в оценочное суждение на том основании, что, подчиняясь требованию логической корректности, приводится аргументация того, в каком качестве оцениваемое положение дел выделяется в свете используемого критерия, а именно: как (скорее) хорошее или как (скорее) плохое. Оценка имеет очень сложную структуру, которую маскирует наша легкость при выражении оценочных суждений, но также указывает на то, что они находятся под определенным рациональным контролем. Это, в свою очередь, неблагоприятно для политической практики, потому что, с одной стороны, она во многом формируется оценочными суждениями в очень специфическом масштабе, но, с другой стороны, эти оценочные суждения часто бывают ошибочными. Что-то выбранное в рамках общественного развития как объект оценивания может быть взято ошибочно или в неполной мере; используемый критерий оценки может быть нормативно бесполезным или может быть подобран чисто интуитивно (на основании ощущений), а аргументация, лежащая в основе критерия оценки и объекта исследования, может оказаться логической ошибкой.

Таким образом, практика нормативной политической науки означает следующее: имеются практически полезные и нормативно применимые критерии оценки; значимые с практической точки зрения политические оценочные суждения принимаются на основании таких – вполне альтернативных – критериев оценивания и вводятся в политическую дискуссию; используемые в политическом дискурсе оценочные суждения подвергаются проверке на наличие вышеуказанных ошибок и при необходимости дорабатываются. С помощью всех этих достижений политическая наука сделала бы очень важный *критический* и при этом *конструктивный* вклад в такие дискурсы, которые касаются нынешней политической практики. Она же страдает от того, что политическая наука ввиду неразвитости ее нормативной составляющей в направлении эмпирической политической науки не может сделать этот вклад заслуживающим доверия. При постановке политических целей это часто приводит либо к волюнтаризму, либо к оппортунизму – и демонстрирует политикам, что при принятии сложных политических решений им не стоит ожидать от политической науки чего-то, что может указать путь. За этим нередко следует демонстрация презрительного отношения к политической науке со стороны тех практиков, за которых также, в свою очередь, часто бывает стыдно.

Альтернативой становится так называемый политический акционизм политических ученых в партиях, ассоциациях и фондах, при котором ежедневно оглашаются политические позиции в средствах массовой информации, в интервью и комментариях. Ведут свою деятельность и политические консультанты, основываясь на политических предпочтениях или, в худшем случае, на оппортунизме. Это очевидно не самое лучшее представление политической практики. В отличие от эмпирического знания эти оценочные суждения и наставления не прорабатываются систематически и не тестируются на основе строгих критериев качества. Таким образом, политика лишается большей части «критических знаний об устройстве порядка», в которых политическая деятельность, несомненно, нуждается. В сущности, становится ясно, что исследовательская область классической нормативной политической науки еще не раскрыла потенциал далеко обогнавшей ее эмпирической политической науки. Однако тот, от кого профессия требует бежать, в то время как он пока не способен ходить на двух одинаково

длинных ногах, может, вероятно, впасть в кризис: сначала в кризис своей работоспособности, а затем и в кризис профессии в целом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.